Книжный Дозор

Автор:
Аркадий Шушпанов

Книжный Дозор

Аркадий Николаевич Шушпанов

ДозорыШкольный Надзор #3

Свет и Тьма – игрушки в его руках.

Способности – запредельны для Великих.

А еще он – беспомощный ребенок-аутист.

Не нужный никому, опасный для Инквизиции, преследуемый тварями Сумрака.

Единственная надежда – педагог Дмитрий Дреер и его невольные союзники. Твердо уверенные: высшая гармония мировых сил не стоит слезинки малыша.

Аркадий Шушпанов

Книжный Дозор

Фантастический роман

© С. Лукьяненко, 2013

© И. Шушпанов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Данный текст не раскрывает тему Света.

Ночной Дозор

Данный текст не раскрывает тему Тьмы.

Дневной Дозор

Тема закрыта.

Неизвестный символ вместо подписи

Пролог

Стажер – это головная боль.

Новички глупы, ретивы и неповоротливы. А ведь и ты был таким. Все мы стажеры. Одни на службе Тьмы, другие – Света.

– Звать Глебом. Короткевич Глеб.

– Разрешите идти? – Командир патруля взял под козырек, хотя никакой фуражки не носил. Но его светлые волосы действительно торчали козырьком, роняя тень на лоб.

Юрий, как рекомендовано было еще Петром Великим, при беседе с начальством вид имел неизменно лихой и придурковатый. Чего там содержалось больше,

зависело от ситуации.

– Доиграешься ты, Щукин, – констатировал шеф. – Прищучит тебя.

Новичок сидел в дежурке и пил чай в компании двух оборотней, Петрухи и Старого. Глянув через застекленную дверь, Юрий отметил: парень держится запросто. Уровень Силы не выше пятого – шеф показывал характеристику.

– Который тут Глеб? – ввалился Щукин.

Новичок вскочил.

Хорошо. Оперативник. Сразу распознал: командир.

Волкулаки хмыкнули. Потом скривили морды: сидеть им на пульте до ночи, принимать звонки да вяло наблюдать за артефактами, а собеседника вот-вот заберут. Иной из другого города не каждый день бывает, да такой…

Облик у парня был, конечно, тот еще. Розовая рубашка в крупную клетку, красный галстук-бабочка, узенькие джинсы. И в основании композиции – кроссовки с разноцветными шнурками. Продвинутый мальчик, ничего не скажешь.

– Ну, пойдем, стажер, – заключил Юрий, смерив новенького взглядом, каким, наверное, опытный коп изучает новобранца перед рейдом по самым бандитским трущобам. – Оружие получим.

Из сейфа Щукину выдали три перстня различного действия. Стажеру полагался «люксометр».

– Ого! – Новичок уважительно посмотрел на арсенал старшего, а затем обескураженно – на свой: – А это чего?

– Никогда не видел? – Щукин оказался выше Глеба на полголовы и бросал начальственные взгляды с двойной легкостью.

– Я в патруле уже был, – поспешно сказал Глеб. – Но у нас таких нет.

– А зря! «Люксометр» замечает и фиксирует все Светлые воздействия на специальный кристалл. Эдакий сумеречный видеорегистратор. Будешь осваивать!

Они вышли на служебную стоянку. Ее делили с развлекательным центром по соседству, а тот размерами во много раз превосходил скромный на вид, всего в два надземных этажа, офис Дневного Дозора. Почти неиссякаемый источник Силы, даже днем – под боком. Мудрое решение принял шеф, когда перевел контору сюда. И от центра города недалеко. Может, даже строительство развлекательного «сити» тоже было подсказано кому надо с применением толики волшебства?

Глеб вертел в руках «люксометр».

– Ты лучше через Сумрак погляди, – невинно посоветовал Юрий, дистанционно заводя патрульный «солярис» мышиного цвета. – Не сюда, а вон туда!

Стажер послушался – и едва не выронил прибор. Сделал шаг назад.

«Хорошая реакция», – подумал Щукин, увидев, как замерцали в Сумраке зеленоватым светом кончики Глебовых пальцев: тот мгновенно активировал чары.

– Не может быть! – ахнул Глеб.

Наверняка он сейчас лихорадочно вспоминал первый семестр дозорной школы, курс «Реальные и вымышленные магические существа». По крайней мере Юрий на его месте именно так и сделал бы.

– Почему нет? – философски ответил Щукин.

– Он же из кино!

– Ну и что? Тот, кто его придумал, был наш человек. В смысле, Темный. Художник Гигер, слышал? Он эту тварь в Сумраке увидел, вдохновился и нарисовал для кино. Ферштейн или нихт ферштейн?

– Правда, что ли? – Глеб слегка качнул головой, не в силах отвести взгляд от того, кто замер на парковке, такой реальный среди колеблющихся автомобильных силуэтов.

Настоящий Чужой из одноименного фильма, аутентичный в каждой детали, от кончика хвоста до капелек слизи на двойной паре челюстей.

– Наша сторожевая псина, – прокомментировал Юрий. – Светлые ранили, живодеры. А шеф наш выходил, в Инквизицию пожаловался. Разрешили оставить. Зовут Нострик.

– С ума сойти… – Глеб все же повернулся к Юрию, видимо, собираясь забросать вопросами, но тут-то как раз и увидел ауру… а в ней все оттенки лжи и правды.

Щукин мог бы закрыться, как старший по уровню. Но не стал. Только хмыкнул и широко улыбнулся.

– Разыграл, да? – Глеб, кажется, сам не знал, как реагировать: заржать, обидеться или нехорошо ругнуться. Здравомыслие победило – и стажер тоже заулыбался.

– А ты поверил? – Юрий сделал вид, что не сканировал Глеба через Сумрак. – Кино небось любишь. Тут, кстати, неплохой мультиплекс, прямо вон там. – Щукин махнул рукой в сторону служебного входа в развлекательный центр. – Можно сходить после дежурства, заодно в баре посидеть.

– А ведь как настоящий! – Глеб еще раз восхищенно осмотрел Чужака и даже сделал порыв подойти ближе. – Где вы его взяли?

– На третьем этаже лазертаг, оттуда выкинули. Хвост сломался или коготь, не помню уже. Там у них этого барахла полно, роботы, штурмовики из «Звездных войн»… А мы его на первый слой затащили, починили – заклинание-то простецкое. Ауру ложную повесили, чары сохранности, чтобы тлел помедленнее. Дворник за ним следит, поддерживает. Сюда даже Светлые при случае новичков приводят. Тоже шуткуют.

– Ну, вы даете… – Стажер все же забрался в машину.

Юрий заметил на крыльце под козырьком для курящих Петруху, который довольно прятал телефон. Наверняка выскочил типа с сигареткой, а сам хотел заснять розыгрыш на камеру и показать, гогоча, напарнику. Оборотень Старый до таких щенячьих радостей не снисходил.

Щукин вывел «солярис» на улицу, привычно чертыхаясь на дорожные выбоины. Их не мог ликвидировать никто – ни городские службы, ни Дозор. Шеф занял принципиальную позицию: мол, дело человеческое, – и Иные вынуждены были время от времени платить за ремонт то одной, то другой единицы автопарка. Это, надо полагать, обходилось конторе дешевле.

Стажер осваивал «люксометр». Игрушка и впрямь была затейливая, отделанная золотом, с блестящими кристаллами, несколькими циферблатами и фигурными стрелками. Ведьма делала, правда, с высшим техническим, но все же…

– Держи на коленях, – предупредил Юрий. – Лишнее внимание ни к чему. Не волнуйся, не промахнется. Ты в Рязани первый раз?

– Ага. Я вообще мало где был. Ну, только в школе Дозора поездил.

– А сам, стало быть, из Иванова… И как там?

– Нормально, – пожал плечами Глеб. – Вот развлекательных центров таких крупных пока нет, как у вас… с Чужими. У нас больше торговые. Кстати, наш проект, Дневного Дозора. Уже лет пятнадцать идет, если не дольше.

– А что так? – Юрий остановился, пропуская даму, катившую детскую коляску и при этом совершенно не смотревшую на дорогу. Бибикнул.

Дама метнула взгляд, обжигающий сильнее файербола Светлых, и покатила дальше.

– Говорят, началось еще в конце девяностых. Регион депрессивный, предприятия стоят, напряженность высокая. Вот наши и предложили. Народу есть куда энергию сбросить – а нам всегда будет где взять. Потом даже в Москве благодарность объявили за удачное решение. Светлым пришлось согласиться. Никаких тебе шабашей, все культурно, покупательский ажиотаж – и только. А

Светлые свой проект сами уже давно продвигали, с вузами. Типа больше институтов – больше молодежи, выше уровень образованности – меньше Тьмы. Наши им разрешили, и вот пришлось расплачиваться. А с вузами все хуже, рождаемость низкая была…

– Это их проблема. – Юрий мягко повел дальше, выруливая к историческому центру.

– Красиво тут у вас, – вставил новичок.

– Ты еще кремль не видел. Ничего, заедем ближе к обеду. Там все равно надо инспектировать.

– Пьяных нет. Даже странно. У нас едешь в патруле – и обязательно кто-нибудь с утра уже хороший… А синего мха – почти как у нас. – Глеб перестал вглядываться в «люксометр» и вертел головой по сторонам.

– У нас не только мох. Еще грибы сумеречные.

– Правда, что ли?

– Увидишь. Они тебя тоже.

– Это как?

– Мы же в Рязани. В Сумраке грибы с глазами.

– Шутишь опять? – недоверчиво покосился на Юрия стажер.

– Не без этого. А ты нарушение пропустил…

В этот момент «люксометр» завизжал голосом отпетой истерички. Глеб даже вздрогнул. А Щукин резко, не слушая недовольных «фа-а!» соседних машин, съехал к обочине.

* * *

– …А ты говорил, пьяных нет. – Юрий вновь тронул машину. – Все у нас есть. Если поискать.

– Может, надо было только предупреждение? Для первого раза… – Глеб, свидетель резкого и неприятного разбирательства, задумчиво вертел в руках протокол, словно не решаясь сунуть его в папку. – Девчонка же его совсем легонько. Может, он даже не завяжет надолго. Да и был почти трезвый… так, после вчерашнего.

– Уже готов выгораживать! Еще один шажок не в ту сторону, Темный. – Юрий смотрел на Глеба через салонное зеркало. На ауру, раскрашенную стыдом и смятением, можно было и не глядеть. – Я тебе больше скажу. Этот мужичонка – наш человечек.

– В смысле?

– Мы его поддерживаем. Деньгами там, здоровьишко подправляем. А его задача – не завязывать и крутиться в самом центре, воображая всякую жуть от своего пагубного пристрастия, – последнее Щукин процедил сквозь зубы. – Неопытные Светлые, как та девчонка, и ведутся. У нас на город несколько таких… хм… агентов. В том числе укурыши и героинщики.

– Ну, вы даете… – Глеб подбирал слова. – Какого… зачем эти подставы?

– Про вакцинацию слышал? Это прививка для Светлых. Наполучают штрафов за мелочь – будут думать, идти ли на крупняк.

– Но ведь все равно у нас как бы паритет. Какая разница? Были бы тогда у нас права на что-то посильнее…

– Не скажи. – Юрий перестроился в крайний правый ряд. – Ответные права на что-то посильнее – это новые охотничьи лицензии вампирам и оборотням. Или на порчу. Считай – человеческие жизни. Светлые об этом часто не думают. Не всегда, по крайней мере.

– Так оборотни вроде как наши. – Глеб явно вспомнил Петруху и Старого.

– В семье не без урода. Но уроды – они и есть уроды. Нечего людей понапрасну жрать! Вампам донорскую кровь исправно выдают, а волкулакам – ампутированные руки-ноги и то, что от абортов остается…

Стажера передернуло. А ведь наверняка проходил всю эту Иную биологию, причем недавно. Не мог не знать. Хотя бы то, что оборотни вынуждены поедать свиные внутренности в сыром виде – органы очень похожи на человеческие. Тем, кто перекидывается в приматов и травоядных, конечно, проще, но и там много неаппетитного.

– Вампир может и не всего человека… – Короткевич убеждал, кажется, самого себя.

– Угу. Может. Высший. Который сотню-другую лет учился инстинкты контролировать. Ты много Высших знаешь? В России, по-моему, вообще ни одного. А остальным от сонной артерии оторваться – все равно что законченному торчку с «герыча» слезть. И оборотням – что, прикажешь на охоте людей не резать, а кусками выгрызать? Вам рассказывали, что укус оборотня не всегда обращение, но практически всегда – бешенство? У них-то самих к бешенству иммунитет, а людей заражают только так.

– Ради этого вы Светлым и не даете людей с иглы снимать? – Глеб сделал вид, что не заметил, как «люксометр» на его коленях пискнул. Впрочем, писк был слабенький, можно и проигнорировать, а потом, на досуге, изучить запись на кристалле. – Даже поддерживаете алкашей и торчков?

– «Поддерживаем» – это значит совсем не даем опуститься. А лечиться не мешаем! Мы не отнимаем у людей выбор. Мы не Светлые! Это они хотят, чтобы все маршировали к Свету ровными рядами. Дневной Дозор потому и существует, чтобы выбор был – и у нас, и у людей. Ферштейн или нихт ферштейн?

Глеб молчал. Он явно ждал чего угодно, только не таких этических вопросов. Да, парень, это тебе не Чужой на парковке.

Щукин тем временем вырулил к кремлю, притормозил у белокаменной стены. Сквозь проплешины в штукатурке были видны древние кирпичи.

– Прогуляемся, – сказал подшефному.

Тот вылез, размял суставы. «Люксометр» захватил с собой, без напоминаний догадался надеть на него иллюзию планшетника.

В глубь кремля Щукин новичка не повел, вместо того увлек за ограду, к самому валу и рву.

– Здорово! – Глеб запрокинул голову.

– Полезли? – Юрий первым начал взбираться по крутому склону.

Стажер явно не привык к таким восхождениям, к тому же старался не уронить и не повредить свою технику. Но от Щукина почти не отставал.

– Здорово… – только и сумел выговорить, оказавшись на гребне и силясь охватить взглядом окрестности.

Они двинулись по протоптанной тропинке. Несмотря на летний день и ясную погоду, людей на валу почти не было. Лишь пара девчушек почему-то в камуфляжной форме и старичок с подрамником и кистями – явно выбирал натуру для пленэра.

– А что, это вот прямо сюда монголы карабкались, когда Рязань брали? – Короткевич наверняка уже снимал в голове блокбастер.

– Нет. Это вообще не Рязань.

– Шутишь опять? – Глеб даже остановился.

– Не та Рязань. Старая – она километрах в двадцати отсюда. А город раньше назывался Переяславль-Рязанский. Его потом уже переименовали. Не все знают.

Стажер, конечно, принадлежал к «не всем».

– Как ты стал Иным? – спросил Юрий.

Про «когда» можно было и не спрашивать. Год-два назад. Потом ускоренный курс.

Глеб помрачнел.

– Да глупо как-то… Знаешь, с собой хотел покончить. Пока с духом собирался, все оттягивал, меня наставник и вычислил. Случайно.

– Наставник из Дневного?

– Ага. Замглавы.

Все было понятно. Случайность, по всей вероятности, была управляемой и хорошо подготовленной. Наставник терпеливо ждал, пока будущий ученик дойдет до грани. А может, даже подталкивал. Исподволь. Доступными средствами. Не нарушая Договора. И в нужный момент явился в качестве спасителя. А Юрий еще толковал парню про выбор.

Да уж, дозорный. Нашел тему.

Но Юрий почему-то не мог остановиться.

– Хороший наставник – это, брат, важно. У меня тоже когда-то был. Без него и меня бы тут не было. Только он, прикинь, Светлый. То есть был Светлым, а потом ушел в Инквизицию. Тогда-то мы и встретились.

– Дела… – протянул Глеб.

– Я же в дозорную школу не ходил. В специнтернате учился. Кстати, недалеко от Иванова, нас даже на экскурсию туда возили, по Золотому кольцу.

– А сразу чего не сказал?

– У тебя в детстве приводы были? Ты бы сразу начал про них в патруле болтать? Интернат – он вроде колонии. Для тех, кто Договор нарушает. У нас тогда вообще у всех мозги с приветом были. Один раз в Питер поехали, тоже на экскурсию. Нашли какую-то старинную подудень на кладбище, даже не поняли,

что такое, но мощная, зараза! Силой накачались от нее под завязку, море по колено, на Дозор с Инквизицией полезли. – Юрий проследил за выражением лица стажера. Наверное, тот удивился сильнее, чем когда столкнулся с космической тварью. – Если бы не наставник, Дмитрий Леонидыч, был бы у меня пожизненный магический блок. А то и чего похлеще! Ладно, не бери в голову.

Короткевич, сунув под мышку «планшетник», восхищенно рассматривал то золоченый шпиль колокольни, то Успенский собор с непривычно синими куполами, усыпанными звездами.

– Пошли к мосту, – направил Юрий. – Там народу много, Светлые часто приходят. Сначала работа.

Склон уводил к подножию колокольни.

– А мост, кстати, в честь тебя назвали! – заметил Щукин.

– Опять шутишь… – проронил стажер, все еще находясь под впечатлением от красот.

– Ладно, не в честь тебя. Но как специально дожидались. Глебовский.

– А там что? – Тезка моста едва ли не вприпрыжку подбежал к перилам и замер.

Казалось, для него в этот момент исчезли и памятники старины, и кремлевский вал. Перед Глебом внизу развернулся, как ему почудилось, бескрайний лес, среди деревьев которого пряталась блестящая и узкая, как ленточка старого магнитофона, речушка.

– Трубеж. – Юрий широко оперся на чугунные перила. – Она идет вот так полукругом, и получается Остров. На той стороне, рядом вон с той церквушкой, еще памятник Есенину. Отсюда не видно.

– А он тут что, жил? – Стажер не отводил глаз от завораживающей панорамы: буйная, как есенинские кудри, чаща в самом центре города.

– Он же родился здесь недалеко. Ты еще спроси, кто это вообще!

По легким оттенкам смущения в ауре напарника Юрий понял, что оказался недалек от истины. Новичок явно собирал в памяти скудные знания о поэте, словно остатки мелочи по карманам.

Щукин негромко прочитал наизусть, иронически глядя на потуги Короткевича:

Голова моя машет ушами,

Как крыльями птица.

Ей на шее ноги

Маячить больше невмочь.

Черный человек

На кровать ко мне садится,

Черный человек

Спать не дает мне всю ночь.

Новичок вздрогнул: настолько чуждыми в погожий день и в таком месте казались эти строки.

– Он тоже был Темный?

– Нет, даже не Иной. Просто очень чувствительный. Как сейчас помню, нам Дмитрий Леонидыч рассказывал… Пройдемся по набережной. Если ничего интересного не найдем, прочешем кремль для порядка.

Патрульные медленным прогулочным шагом двинулись по асфальтовой дорожке к скрытому пока от глаз спуску на причал Лыбеди. Глеб, совсем позабыв о «люксометре», смотрел то на Трубеж, то на проплывающий мимо собор.

Людей попадалось очень мало, все же будний день. Вечером, говорил Щукин, ближе к концу смены, нужно будет вернуться сюда еще раз. Ауру места чувствуешь? Это одна из главных Светлых точек города. Здесь и Ночной Дозор перед дежурством нередко ошивается, заряжает амулеты и о себе не забывает.

Да и простые Светлые каждый день появляются, энергии положительной уйма: туристы, родители с детьми, свадьбы – с той стороны набережной все прутья ограждения в замочках. А Светлых нет-нет и дернет не просто взять, а еще и дать – в обход Договора. Линии вероятности чуть подправить, от роковых ошибок предостеречь, на здоровье исподтишка повлиять. Потому тут особое наблюдение требуется.

– Ты глянь, чего творит! – Юрий прервался. – Мать-то куда, блин, смотрит? Вот для такой дуры я бы реморализацию простил. Еще бы «спасибо» сказал!

Глеб посмотрел туда, куда указывал напарник. В груди екнуло.

В том месте почему-то отсутствовал целый пролет в ограждении. Именно сюда и забрался пацаненок лет пяти-шести. Оступись – и покатится по крутому склону с десяток метров. Пусть под ногами мягкая трава, а внизу, перед речушкой, еще пологий берег – мало не покажется. Шею свернет. Стажер закрутил головой уже не как праздный зевака и даже не как оперативник. Он искал взрослых, которые привели сюда малыша. Как на грех, никого не было, даже легкомысленных влюбленных парочек.

Глеб поймал тень от ресниц и глянул через Сумрак. На набережную. На стены ближнего храма. На малыша на краю пропасти.

– Ты видишь?!

– Еще бы, – ответил Юрий.

«Люксометр» здесь неизменно слегка фонил – место такое. Но сейчас он был бесполезен. В Сумраке отчетливо просматривалась аура ребенка. Странная, не похожая ни на одну из тех, что приходилось сканировать Глебу за всю его короткую жизнь в Дозоре. И Юрию – за куда более длинную. Но несомненно, аура Иного, судя по возникающим и тут же пропадающим разрывам.

Не Светлая и не Темная. Чистая.

– Удачно зашли. И время наше. – Щукин говорил почему-то мрачно и сам не понимал своего настроения. Может, потому что выявленный маленький Иной мог

в любую секунду сорваться и погибнуть.

Юрий осторожно, чтобы не напугать малыша, начал приближаться. Попутно он думал, как того позвать. Потом мысленно обругал себя и надел «обаяшку». Этому трюку его научили еще в интернате закадычные приятели Влад и Гарик. Теперь пацаненок будет воспринимать незнакомца как кого-то родного и сам пойдет навстречу. Зови малыша как угодно – все равно будет рад.

А если вдруг откуда ни возьмись появится родительница или старшие братья-сестры, им тоже будет казаться, что Юрий – свой. Уж тогда-то он их обложит по-семейному! Родственничек-мужчина может и по загривку схлопотать.

Не стесняясь, Юрий просто крикнул:

– Эй, мальчик!

Главное, привлечь внимание. Но ребенок над обрывом даже не обернулся. Он стоял и размахивал руками.

Юрий повторно обругал себя и активировал «фриз», который всегда носил на кончике мизинца. Сначала парализовать, оттащить от края, потом разбираться. Или прямо в таком виде грузить в машину и везти в офис. А там уже искать родителей, оформлять бумаги, препираться со Светлыми. Претензии с их стороны бесполезны: в таком возрасте инициировать еще нельзя, но первенство выявления однозначно принадлежит Дневному Дозору, и вероятность обращения к Тьме – девяносто девять процентов.

«Фриз» хорош всем, но это не пуля, летит не мгновенно. И промахнуться редко, но может. Так случилось именно теперь. Стоило заклятию сорваться с мизинца Юрия, как мальчик повернулся лицом к дозорному и вдруг упал на четвереньки. Разумеется, заряд прошел над ним и улетел куда-то в кроны деревьев над Островом. Может, даже поразил на несколько часов зазевавшуюся ворону.

А мальчик пополз к Юрию.

Тот сперва выдохнул. «Обаяшка», скорее всего, заработала. Но этой иллюзии хватило лишь на пару секунд. Малыш полз достаточно быстро, как звереныш, и

смотрел будто сквозь Щукина. Дозорный снова внимательно прощупал находку через Сумрак: да, определенно Иной. Но что же он такое видит и куда ползет? Впрочем, главное – отползает от бездны.

– Мальчик, мальчик… – Юрий бросился к пацаненку, наклонился, мягко схватил за подмышки.

Детская ручонка с ненормальной силой впилась в запястье. Ребенок закричал. Не заплакал, не завизжал от испуга. Он кричал, как зверек, и крик переходил в шипение.

Тогда Юрий инстинктивно ушел в Сумрак целиком. Насильно втаскивать туда ребенка он не стал, просто хотел ускользнуть из цепкого – что за бред! – захвата малыша. Это ему удалось. Мир привычно выцвел, на фигурных решетках ограждения чуть ли не заколосился обильный синий мох, ударил из ниоткуда ледяной порыв ветра.

Никто уже не стискивал руку Темного.

А затем Сумрак взорвался. Цвета вернулись на мгновение и заиграли радугой. Сияние тут же погасло, и все стало по-прежнему… нет, другим. Тот же мох, та же скудная палитра, тот же холод. Все ощущалось и воспринималось иначе.

Юрий неуклюже повалился на землю рядом с малышом. Тело заломило: сердце, виски, суставы. В мозге как будто кто-то заворочался, натыкаясь в темноте на стенки черепной коробки и проклиная все на свете. Щукин схватился за оберег-кулон на шее, но ничего не почувствовал. Накатила дурнота вкупе с усталостью. Дозорный попытался накрыться Щитом и не сумел. Просто ничего не вышло. Он поднял руку к лицу – на кончиках пальцев не зажглось ни единой бело-голубой искорки. Не сказать, чтобы там ничего не было. Юрий чувствовал энергию – но не владел ею, та стала как будто чужой.

А самое жуткое – он не узнал свою руку. С возрастом она уже начала трансформироваться. В человеческом облике становилась все более мускулистой: Щукин любил плавать и регулярно ходил в бассейн, еще и фитнесом занимался. Но в сумеречном перевивалась жилами, усыхала, а ногти давно уже превратились в желтоватые когти. Теперь же в больной руке нечто разглаживалось, а ороговевшие участки кожи пошли трещинками и зачесались.

И почему-то Щукин знал – кожа под ними будет уже не землистой, а розовой.

Как у ребенка.

В другой руке защипало. Юрий осознал, что магические кольца, накачанные Темной силой, жгут фаланги. После двух безуспешных попыток сложить пальцы в комбинацию и сбросить заряд Щукин чертыхнулся и принялся кольца срывать.

А когда сорвал, предпринимать что-либо оказалось уже поздно. Можно было только наблюдать.

Глеб отбросил «люксометр» и метнулся к ним обоим: к старшему напарнику и малышу. Стажер не понял, что случилось, и не заметил исходящей от ребенка опасности. Скорее всего, он первым оказал бы помощь Юрию. Но малыш очутился на шаг ближе, и у Короткевича сработали рефлексы более глубокие.

Он наклонился к малышу. Мальчик дотронулся до него. Легонько. Скорее погладил.

Глеба откинуло на метр, и стажер провалился в Сумрак. Вокруг плясали быстро гаснущие радужные сполохи.

Малыш больше никуда не стремился. Он даже поднялся с четверенек.

Сумрак прорезал истерический визг – звуковой сигнал «люксометра». Артефакт в нескольких шагах от Юрия мерцал кристалликами и вращал стрелками на циферблатах. Техника делала свое дело, а ее магическая начинка не признавала никаких чудес.

Застонал новичок Глеб. В реальном мире появились двое прохожих, мужчина с женщиной. Остановились, глядя на малыша. Для них он был один-одинешенек на набережной.

Юрий понял, что уже не выйдет из Сумрака и не вытащит стажера.

Но последнее средство все же было. Древнейшая магия, как учили их еще в интернате. Он вытащил из кармана складной ножик со множеством лезвий.

Раскрыл самое большое – крепкий коготь на указательном пальце неожиданно сломался во время этой процедуры. Полоснул себя по предплечью раз, другой.

Вытекающая кровь запузырилась, серое марево пришло в движение.

В голове отчего-то сами по себе выплыли строки:

Друг мой, друг мой,

Я очень и очень болен.

Сам не знаю, откуда взялась эта боль…

Мир обретал краски. Жидкость, дающая иллюзию жизни вампирам, сулила еще сколько-то настоящей жизни Юрию с напарником. Щукин выходил, и перед удивленными прохожими сейчас из воздуха появлялся лежащий на мостовой парень с русыми волосами, выдающимися вперед, словно козырек. Впрочем, они не могли бы заметить сам выход. Вот стоял одинокий ребенок – а рядом уже взрослый.

Кровь из ранки капала на неизвестно откуда взявшийся летом пожухлый кленовый лист.

Но Юрия сейчас не волновала ни кровь, ни прохожие, ни даже странный пацан. Он смотрел на Глеба, вернее, на ауру стажера.

Дневной дозорный стонал и корчился. Тьма ничем уже не могла помочь ему.

Потому что аура пульсировала Светом.

Часть I

Разочарования и сомнения

Глава 1

– Все ученики – идиоты, – сказал Дреер. – Точка.

– Что-то тебя, Леонидыч, сегодня… – протянул с водительского сиденья Шагрон.

За Дмитрием всегда присылали лучшего водителя московского Дневного. Какой бы ни был, а все же Инквизитор. Но Шагрон ему импонировал. Несмотря на разницу в годах и уровнях. Несмотря на то что давным-давно, еще в начале двадцатого столетия, заработал право носить открыто сумеречное имя за какие-то заслуги перед Тьмой.

Однако дальше простого дозорного не продвинулся. И не сказать, чтобы усердствовал. Выполнял текущие задания, закрывал своим чешуйчатым сумеречным телом временные бреши в оперативном составе. Но все понимали, что его конек – перемещения по оживленным городским трассам. Шагрон увлекся автомобилями еще в пору их изобретения.

Потенциал у Шагрона был весьма и весьма. Наверняка и в Инквизицию ему предлагали вступить. Но он выбрал другое. Дмитрию иногда думалось: Силы потому и держат паритет, что Темным важнее их собственная хата с краю. Иначе они давно бы уже задавили Светлых числом. Но им ничего не нужно, кроме личного благополучия. Ради этого они даже согласны поступиться его частью. Всего два компромисса: один с собой, второй – со Светлыми.

– Твои уже собрались. – Дорожный ас заложил очередной маневр-пируэт, так что Дмитрий и позабыл, в связи с чем отпустил реплику про учеников-идиотов. Была и у него тоже среди прочего слабость – любил наблюдать работу профессионалов. Любых. Иногда он представлял себе сумеречного Шагрона образца начала дизельного века: ящер в кожаной фуражке и очках-«консервах» за рулем какого-нибудь «Руссо-Балта», а то и реактивных аэросаней.

– Доктор тоже явился. Самолично его привез, как тебя. Ловко получилось: шефа в аэропорт, доктора обратно. Беспорожний рейс!

– А шеф куда улетел? Секрет? – вяло спросил Дмитрий.

– Какой тут секрет! В Киев. Там же сам знаешь, что творится. А киевский Дневной, считай, только года три как заново поставили.

Отношения у Шагрона с Дмитрием отношения давно установились панибратские. С Шагроновой стороны по крайней мере. Но Дреер не возражал. В салоне дозорного «бентли» и анекдоты про Великих доводилось слышать.

– Притормози, – сказал Дмитрий и опустил боковое стекло.

Огромный жидкокристаллический экран над улицей рекламировал мюзикл «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»: «Самый масштабный в России! После триумфальных гастролей в Лондоне! Юбилейные спектакли!»

– Я ходил, – сообщил Шагрон. – Гошка молодец. Талант! Леонидыч, а ты чего тогда не приехал? Он же говорил, тебе билеты на премьеру высылал.

– Дела, – отозвался Дреер. – В школе на мне столько всего!

Хорошо, что протокол и негласные правила запрещали водителю сканировать ауру Инквизитора и считывать вранье.

– Так сегодня сходи! Прямо вечером, после заседания.

– Может быть… – неопределенно ответил пассажир и подумал: «А почему бы и нет?»

Правая, магомеханическая рука лежала на колене, на серой складке брюк. Иногда Дмитрий шевелил неживыми пальцами. Этой привычке было уже почти десять лет. Протез-артефакт, творение Джакомо Лепорелло, можно было разглядеть только в Сумраке. Архаичное теперь маскирующее заклятие создатель шедевра подвесил сам – так сказать, предустановил программу. Рука, как выяснилось, была способна чувствовать, по крайней мере создавать иллюзию чувствительности, благодаря тем же предустановленным чарам. Ощущала почти все, кроме боли, и еще способна была залезать на первый слой, оставляя хозяина в мире людей. Очень удобно. Даже на ощупь теплая. Правда, забирала много энергии, но не у владельца. Лепорелло и тут предусмотрел: в запястье был встроен амулет, самостоятельно заряжающийся Темной силой,

где только мог ее найти. Автоподзавод восемнадцатого века.

То, что однажды ее станет носить бывший Светлый, итальянский Кулибин не предугадал. А то, наверное, сделал бы всеядной. Впрочем, не сделал бы. Свою личную Тьму он бы не перешагнул.

Словесник ткнул блестящим стальным пальцем в кнопку и поднял стекло. На владельца маскирующие чары не действовали.

* * *

Дреер бывал в Москве нечасто.

Город всегда менялся быстрее, чем он. Такова плата за умение приостанавливать ход времени. Впрочем, останься словесник человеком, за Москвой ему тоже было бы не угнаться.

В последний раз Инквизитор приезжал еще в офис на Тверской. Сейчас его предупредили, что резиденция Темных сменила адрес. Естественно, перенесли ее в место не менее многолюдное – от принципа «живого щита» никто не отказывался. Один из этажей высоченного небоскреба, а под боком еще и торговый центр.

Вылезая из машины, Дмитрий запрокинул голову. Да, что-то было в этой цитадели, неспроста сюда переехали.

Среди охранников небоскреба оказались и люди, и оборотни, и маги. Дмитрий не стал спрашивать, известно ли первым о существовании вторых и третьих. Скорее всего, Дневной взял на себя контроль над всем объектом, и люди привлеченные, но мало ли какие соображения у Завулона.

Как ни странно, самого главу Темных Дмитрий видел всего раз в жизни, да и то не в Москве, а в Петербурге, на чрезвычайной коллегии. Во время плановых визитов надзирателя Дреера того почему-то никогда не оказывалось на месте. Не стоило льстить себе, рядовой Инквизитор – не Совиная Голова. Здесь имя-то Дреера, наверное, помнили только Шагрон да поднадзорные.

Офис встретил рабочей суматохой, запахом бумаг и кофе, почти сумеречным холодом кондиционеров, негромким деловым жужжанием. Если не знать, где находишься, то и не поймешь, что за контора. Может, издательство какое-нибудь.

Больше всего удивило обилие стекла. Почти все стены – прозрачные. Интересно, кабинет начальства тоже?

Те, кому было назначено, собрались в переговорной за овальным столом. Сейчас они были как в аквариуме. Дреер поймал себя на том, что впервые за день собирается улыбнуться.

Уже кто-то из застекольных выцепил его взглядом и махал рукой.

– Дмитрий Леонидович, день добрый! – раздался знакомый голос.

Справа к Дмитрию приближался Доктор Вампир. Настоящее его имя вообще-то было Христофор, а фамилию при Дреере не называли. У такого старого Иного ее, возможно, первые лет сто жизни и вовсе не было. Никто и никогда не звал его иначе как Доктор Вампир или Доктор Вамп. Невысокий, с глубокими залысинами, чуть склонный к полноте, обладатель круглого лица и внимательных глаз, он менее всего походил и на стандартный кинообраз упыря, и на реальных кровососов. И еще он был одним из самых старых Инквизиторов-эскулапов.

Доктора Вампа сопровождал один из штатных лекарей московского Дневного Карл Львович Эльзон. Дмитрий раньше видел его мельком. Тезка их школьного медика Фрилинга ему почему-то не сильно нравился. Наверное, потому, что и Фрилинг, и все прочие известные Дрееру врачи-Темные осознавали себя прежде всего врачами и уже потом – Темными. А вот Карл Львович как будто наоборот. Удивительное дело. А ведь кого попало в Дозоры не брали.

– Мы тут, пока вас поджидали, успели обсудить некоторые профессиональные вопросы. У коллеги Карла собраны любопытные данные. – Вамп говорил неизменно добродушным тоном. Он когда-то был Светлым, как это ни парадоксально. – Вы, кстати, вовремя получили прорицание? Вот оригинал.

Доктор извлек документ из видавшего виды портфеля. Дмитрий принял гербовую бумагу на латыни с мерцающими через Сумрак печатями. Копия

лежала у него в папке. Официально запрошенное прорицание нужно было ждать порой несколько месяцев, но Дмитрий озаботился заранее.

Карл Львович кивнул Дрееру и распахнул перед Инквизиторами дверь переговорной. Доктор Вампир по старшинству вошел первым, Дреер следом. Эльзон тут же исчез.

Их встретили семеро. Дмитрия они знали слишком хорошо, Доктора никогда не видели, но все разом интуитивно почувствовали – перед ними крупный чин. Хотя Доктор, как и надзиратель, не носил форменный инквизиторский балахон, предпочитая обычный серый костюм-тройку. В жилетном кармане Вамп неизменно прятал серебряный брегет.

Дреер вдруг спохватился: ему надлежало представить старшего, но он не согласовал с ним как. Не называть же по прозвищу!

Доктор избавил его от неловкости.

– День добрый, молодые люди! Мы пока не знакомы. Зовите меня… э-э… Христофор Варфоломеевич. Среди присутствующих у меня самый высокий уровень, но сегодня я лишь на правах консультанта. Встречу проведет ваш постоянный надзиратель, младший Инквизитор Дреер. Прошу, Дмитрий Леонидович!

Вамп сел.

Дмитрий обвел взглядом собравшихся, сделал паузу, а потом сказал:

– Ну, привет, человеки…

– Здрасьте, Дмитрий Леонидыч! – жизнерадостно воскликнул Толик Клюшкин. Вернее, уже Анатолий Сергеевич, звезда отечественного рынка тренингов, глава «Школы Клюшкина».

Чувствовалось, что все семеро хотели бы выразить радость как-то более бурно, однако присутствие Доктора их смущало. Потому все ограничились короткими официальными репликами и даже спрятали улыбки. Христофор Варфоломеевич

сохранял невозмутимость. Из старого портфеля он выудил айпад последней модели и что-то там сосредоточенно пролистывал, ни на кого не обращая внимания.

– Давно не виделись, господа, – сообщил Дмитрий, будто возвращаясь в те времена, когда эти солидные молодые джентльмены и одна леди еще сидели у него за партами. – И ни разу не собирались. М-да, в таком полном составе и правда ни разу… Но теперь у нас есть повод. Настолько веский, что Дневной Дозор города-героя Москвы любезно распахнул перед нами двери.

Дмитрий немного лукавил. Дневной Дозор проявил любезность, выслав за слабым Иным персональное авто с высокоранговым магом в качестве шофера. А вот не распахнуть двери перед мероприятием Инквизиции попросту не мог.

Все собравшиеся когда-то были низшими Темными. В интернате они называли себя «мертвые поэты», хотя формально неживыми могли считаться лишь двое из семи. За последние десять лет надзиратель Дреер виделся с каждым из них примерно три раза. Большинство из них после окончания престижных вузов остались в Москве. Кое-кто, например вампир Комаров, и вовсе был коренным столичным жителем.

– Через месяц – десять лет решению Трибунала о вашем магическом блоке.

На деле так гласил лишь официальный приговор. В реальности подсудимые уже не обладали способностями к началу слушания. Более того, они формально даже не могли считаться Иными.

– Можно ставить вопрос о новой инициации. – Дмитрий сделал паузу. – Но этот Трибунал не соберется без вашего желания.

Дреер и здесь был не совсем корректен. Специально ради семерых бывших Иных никто не стал бы устраивать заседание. Такие дела рассматривались на Трибунале скопом. И если желание сегодня изъявят все – вопрос включат в ближайшее плановое слушание. Которое, между прочим, может состояться и через год.

– А как это будет, Дмитрий Леонидович? – спросила Маша Данилова.

После окончания МГИМО и Маша, и ее брат Иван тут же уехали на работу в Индию. Несмотря на утрату своей волшебной ипостаси, они чувствовали притяжение страны, которая эту магию им когда-то подарила. С ними вообще было связано много загадок. Близнецы Даниловы были чрезвычайно редким даже для Индии случаем змеиного оборотничества. Через сколько поколений им передались гены нага и нагайны – так и не было установлено. По крайней мере и родители, и прадеды-прабабки оставались людьми. В Индию дети не ездили, и, естественно, никакой наг – а без укуса ни один даже потомственный оборотень не инициируется – к ним не притрагивался. Просто однажды Машу в подмосковном лесу укусила гадюка. Обыкновенная. Никакой змеиный яд нагайне не страшен, разумеется, но метаморфоза была запущена. А потом сестренка укусила брата. Иван никогда не обижался.

Сейчас двадцатичетырехлетняя Маша, загоревшая на океанском берегу, была похожа как минимум на болливудскую актрису из какого-нибудь древнего «Танцора диско». Единственное, с чем она до конца не справилась, – пара лишних килограммов.

– Обычная инициация силами Тьмы, – сказал Дмитрий. – Здесь без выбора. Как Темных магов.

Всех бывших «мертвых поэтов» когда-то инициировали как оборотней и вампиров. Но до решения Трибунала они ухитрились превратиться в магов с неопределенной аурой. Собственно, это и привело их на суд Инквизиции.

– Клево! – провозгласил Толик Клюшкин, вращаясь в кресле. – Шею никому подставлять не надо!

Толик чувствовал себя в этой переговорной явно как дома. Пару лет назад, еще до получения своего второго диплома в области психологии, он пришел в Дневной Дозор с деловым предложением. С аналогичным, стоит заметить, он сходил и в Ночной. Теперь Клюшкин вел раскрученные тренинги личностного роста, куда Иных пускали бесплатно. На тренингах у Толика они могли подпитываться эмоциями участников совершенно свободно. Довольны были все: и дозорные, подрастратившие силы на очередном выезде, и люди, которым Темные чистили эмоциональные раны, а Светлые даже снимали небольшие проклятия. Восторженным отзывам человеческих участников не было конца. Клюшкин собирался экспортировать свою бизнес-модель в Европу.

Естественно, Толик не прочь был вновь стать магом, хотя бы и самого низкого уровня.

– Не все так просто, – сказал Дмитрий.

Надзиратель раскрыл папку и достал оригинал прорицания.

– Ни одного нарушения за десять лет. Дневной Дозор написал на каждого отличную характеристику, а тебе, Толик, еще и вынес официальную благодарность. Ночной Дозор со всем согласился. Я, со своей стороны, тоже эпитетов не пожалею…

– Лучше вас, Дмитрий Леонидович, никто бы не написал. Вы же словесник! – заметил Стас Алексеенко. За десять лет он превратился в инфернального блондина с харизмой не то Драко Малфоя, не то Энди Уорхола. Где-то на середине этого срока у Стаса неожиданно прорезались наклонности кутюрье. Первый бутик молодежной моды он открыл в Москве, второй в Берлине, а перспективой открытия третьего неожиданно заинтересовались токийские инвесторы. Майки и футболки с принтами, изображающими оборотней и вампиров, причем близко к реальности, шли на ура. Одну такую Алексеенко нацепил и сейчас под дизайнерский пиджачок.

От кого Дреер не ожидал иронии, так это от него, когда-то самого тихого и забитого из «мертвых поэтов». Кстати, Алексеенко не прекратил писать стихи и использовал их строчки в качестве текста для принтов – одна из его фирменных штучек.

– В твою характеристику я добавлю «первостатейный льстец», – пообещал Дмитрий. – Как бы там ни было, у нас есть очень неплохие шансы добиться положительного решения Трибунала.

– Только есть одно «но»? – спросил бывший вампир Артем Комаров, скользнув быстрым взглядом по бумаге, прижатой ладонью Дреера.

Тот положил на прорицание как раз правую, механическую руку. Но увидеть ее «поэты» не могли. Они вообще не знали о протезе, словесник никогда им не говорил.

– Целых семь. На каждого хватит. – Дмитрий поднял бумагу, чтобы все видели. – С вашего позволения, зачитаю вслух.

Дреер старался читать без выражения. Драматический эффект был ни к чему. К тому же Дмитрий огласил текст в переводе с латыни. Понять оригинал мог бы разве что Артем, окончивший первый медицинский.

Никто из бывших «мертвых поэтов» не курил, но тишина повисла, как плотные клубы табачного дыма в тесной комнате.

– То есть через год-два мы станем как были… в школе? – все же уточнила Маша Данилова и взяла брата за руку.

Словесник кивнул.

– Это еще бабушка надвое сказала, – рыкнул с места Гоша Буреев и уточнил: – Чёртова.

Внешне он разительно отличался внешне от остальных, что в интернате, что сейчас. Выпускник режиссерского факультета ГИТИСа и постановщик уже нашумевшего мюзикла Гоша явился сюда, казалось, со старательских заработков на Севере. Огромная растянутая желтая толстовка с откинутым капюшоном, нечесаные волосы, окладистая борода и раскольничий огненный взгляд из-под страшных бровей – прежняя волкулачья жизнь вроде никуда и не пропадала.

– Не все так просто, – повторил Дмитрий. – Это прорицание готовил целый отдел. А слабых пророков в Инквизиции не держат, так же как и слабых магов… кроме, разве что, меня.

– Тогда я, пожалуй, воздержусь, – подал голос Карен Саркисян.

– От чего, Назон? – весело посмотрел на него Толик. Прозвище Карену придумал именно он, позаимствовав у римского поэта Овидия, когда узнал, что переводится оно не иначе как «нос».

– От апелляции, – также серьезно ответил Карен.

Получив образование юриста, Саркисян неожиданно ушел в ресторанный бизнес. Теперь его небольшое заведение «Мтаншах»[1 - «Сумрак» (арм.).] было одним из любимых у столичных Иных. Помнится, во время последнего визита Дреера в Москву Карен учил словесника, что первая гласная в названии произносится так же, как в предлоге, когда русские говорят «со стола».

Дневных и ночных дозорных после дежурства всегда обслуживали бесплатно в отдельном зале. Здесь же неизменно проходили поминальные обеды, если кто-то из Иных погибал.

– Я давно разлюбил сырой бифштекс, – пояснил Карен. – И голову не люблю терять при луне. А ты уже не оценишь мой коньяк, если снова отрастишь клыки.

– Я тоже не хочу, – заговорил Иван Данилов. – Мы с Машкой вообще теперь вегетарианцы. Больше никаких кроликов и крыс!

Наги были отдельной кастой оборотней. Они вполне могли убить человека своим ядом, если тот им чем-то мешал, к примеру, слишком близко подходил к жилищу. Но обычно на людей не охотились.

– Азазелло! – слабым голосом проронил Толик. – Ты покинул друга, променяв на стакан – правда, очень хорошего – коньяку. Но я предпочел бы стать трезвенником…

– Позвольте мне, молодые люди, – раздался невозмутимый голос Доктора.

Про Инквизитора, увлеченного айпадом, все как будто забыли. Дмитрий не проверял, но, возможно, не обошлось без легкого заклятия.

– Перед тем как ваш надзиратель получил бумагу, ее дали мне для… экспертного заключения. Видите ли, Инквизиция – служба очень древняя, и бюрократия складывалась веками. Всякий документ несет на себе груз резолюций – иногда печать новую негде поставить. Так что в обоснованности можете быть уверены.

– Ну и что? – дерзко заявил Клюшкин. – Даже пророчество обратимо при определенных условиях. А это всего лишь предсказание. Вероятность. Большая.

Но не стопроцентная.

Он явно бравировал тем, что продолжил свое Иное самообразование, даже не имея способностей.

– Дело в том, уважаемый Анатолий Сергеевич, – Доктор чуть выдержал паузу, и Дмитрий подумал, что тот не поленился выучить ФИО всех его поднадзорных, – что пророки живут в мире людей. Предсказания тоже делаются для мира людей, даже если касаются Иных. А там, где есть люди, речь всегда может идти только о вероятности. Здесь вы абсолютно правы. Но другое дело – Сумрак.

– Попытка не пытка, – высказался брутальный Буреев. – Инициироваться-то, в конце концов, можно и обратно.

– Должен вас разочаровать, Георгий Казимирович. – Доктор опять на секунду замолчал в середине фразы. Этого хватило, чтобы Машка Данилова прыснула – буреевское отчество забавляло их всех еще с интернатовских времен. По экзотичности с ним могло сравниться лишь отчество самого Доктора, но Дмитрий был уверен, что оно фиктивное – Вамп не был русским. – Однажды вы смогли нарушить законы Сумрака, это правда. Но не сами, а с помощью одной молодой особы, которой я здесь не вижу…

– Дмитрий Леонидович, кстати, а почему Аня не приехала? Она вроде как тоже в Москве… – быстро вставил реплику Артем Комаров.

– Проходит по другому ведомству, – пожал плечами Дреер. – С ней и разговор отдельный.

– А на нее тоже есть прорицание?

– Нет. Слушайте Христофора… хм… Варфоломеевича! Что за привычка перебивать?!

– Спасибо, Дмитрий Леонидович. – Доктор хранил невозмутимое добродушие. – Я прибыл сюда немного рассказать вам о себе, молодые люди. Вы уже знаете, что я вампир. Но еще я был охотником на вампиров. Очень и очень давно.

– Разве так можно? – опять не выдержал Комаров.

Стирание инициации освободило его от вампиризма, однако никак не могло повлиять на родителей, от которых Артем и унаследовал свое проклятие. Дреер знал: Комаров неоднократно подавал ходатайства в Инквизицию, чтобы его семье позволили побывать в том месте, где он сам потерял свою Иную сущность. Просьбы неизменно отклонялись. Территория стала запретной для Иных раз и навсегда, переселили даже тех, кто поколениями жил поблизости.

После ординатуры Артем уже стал замглавврача в небольшом частном медицинском центре, проводившем очистку крови и различные анализы. Пользуясь связями с вампирской диаспорой, наверное, он мог бы стать и главным, но предпочитал не высовываться.

– Не одномоментно, Артемий Викторович, не одномоментно. Инициировался я как Светлый. Вошел в Сумрак первый раз от ярости, когда увидел, как вампир-браконьер высасывает мою младшую сестренку. Не самые Светлые чувства, но тогда я продал бы душу, лишь бы не походить на это отродье Тьмы. Сумрак меня услышал. Кстати, вампира я спугнул, и он высосал Марту не до конца. Зато инициировал. Упокаивать ее пришлось мне. Через несколько лет, когда она сорвалась… Впрочем, это дело минувших веков. Я стал профессиональным лекарем и брадобреем, а одновременно охотником на вампиров. Именно я изобрел метод охоты, который и поныне используют Светлые. Тот, когда Иной пьет человеческую кровь и этим обостряет чутье. Поскольку отворением крови тогда лечили почти все подряд, в моем распоряжении она была почти всегда. Я был первым, кто применил метод, еще не зная всех последствий. И зашел слишком далеко. Тогда Сумрак опять откликнулся. Я стал тем, что больше всего ненавидел.

– Почему вы не ушли в Сумрак насовсем? – бестактно спросил Комаров.

– Жил иллюзией, что это можно излечить. Если есть вход, должен быть и выход. От иллюзий пришлось избавляться долго. Когда пересмотрел взгляды, то вступил в Инквизицию. А вампирам начал помогать. Договор есть Договор, и уничтожение вашего – то есть уже нашего – рода было бы геноцидом не лучше любого другого. Моей задачей стало отвратить как можно больше вампиров от питания на людях. Инквизиция поддержала меня, ибо все, что хранит равновесие, – благо. Я инкогнито способствовал развитию гемотрансфузии в Европе, Артемий Викторович. Среди вампиров нашлось немало таких, как моя

несчастная сестра, кто был скорее жертвой обстоятельств. Хотя… вы знаете этот парадокс не хуже меня, без согласия донора инициация невозможна. Сумрак дает лишь то, что у него просят, и только если сам этого хочет. Да и кроме всего прочего, я не прекращал эксперименты на себе. Например, многократно вводил инъекции крови оборотней и переживал укусы…

– Для чего вы все это говорите? – грубо влез Буреев.

– Чтобы вы поняли: обмануть Сумрак нельзя. Он помнит, какими вы были, когда вошли в него первый раз. И ничего не забывает. Он сделает с вами то, что считает нужным, сам, а не то, что вы хотите. А что касается вашего предположения, Анатолий Сергеевич, по поводу обратного хода… Вы станете низшими Темными со всеми вытекающими обязанностями и невеликими правами. Судимость, увы, никто не снимет. Вас никогда и ни при каких условиях не допустят в зону деинициации. Если же вы решите действовать вопреки Договору и запретам, то… для вампиров и оборотней не предусмотрен блок магии. Нет и заключения на годы и века. Увы, и для вас, и для меня возможна только одна мера. Сейчас вы все уважаемые люди с большим будущим. Вы согласитесь обменять это на положение низших Иных с вечным «сейчас» и непроходящим голодом? Вам не зря оставили память, как вы просили. Вы помните…

– «Вы все, конечно, помните…» – сухим тоном подхватил Артем. – Что мы должны подписать?

– Ничего.

– Он имеет в виду отказ от помилования, – уточнил Карен.

– Никаких бумаг, – ответил Доктор Вамп. – Я предоставлю мыслеобраз, надзиратель Дреер подтвердит.

– Дмитрий Леонидович, – Комаров, незаметно снова превратившийся в лидера шайки, обращался к Дрееру, игнорируя Доктора, – если мы решим так, дальше что?

– Дальше мы, скорее всего, не увидимся, – сказал Дреер. – Инквизиция снимет надзор, и вами будут заниматься местные органы. – Он махнул рукой за

стеклянную стену, где продолжалось деловитое брожение офисной закваски. – Да, кстати, я могу очистить вам память.

– Нет уж! – возразил Клюшкин. – Человек – это звучит гордо. А человек со связями в Дозорах – еще горже.

– Точка, – вставил Дмитрий. – Даже восклицательный знак!

Глава 2

Дреер встретил такси у самого леса.

Он пришел сюда чуть раньше и поймал себя на том, что волнуется. Так, как не волновался уже давно. Даже забыл, что когда-то нечто подобное чувствовал. Надо же…

Анна вышла из машины, и Дрееру стало еще более неловко. Он привык смотреть на нее сверху вниз. А теперь глаза были на одном уровне… и хорошо еще, что девушка не надела туфли на каблуках. Когда Дмитрий видел ее в последний раз, Голубева уезжала поступать в университет. Она что там, упражнения специальные делала? Или все же генетика сказалась?

Красавицей с обложки она не стала. Хотя фигурка была – загляденье. Дрееру она писала, что включена в сборную вуза по волейболу. И… женственность проявлялась в каждом движении, в каждом повороте головы. А пристальный взгляд голубых глаз наверняка прожег насквозь не одно сердце.

Наставник Дреер, ты о чем думаешь, бесстыжая морда?

– Спасибо, что встретили. – Анна протянула руку и сама смутилась.

Дмитрий не столько пожал, сколько прикоснулся к ее кончикам пальцев. Девушка не знала о его протезе. Дреер научился им великолепно пользоваться, и никто бы не заподозрил, что тепло его правой ладони – фикция.

– Ты бы все равно не прошла. Помнишь? Обычный человек не дойдет до школы. Леший закрутит.

– Ой, правда. – Анна откинула прядь со лба. Ее рыжеватые волосы были собраны в хвост. – Уже забыла. Редко домой приезжаю.

– Хорошо, что оказалась здесь, а не в Москве. Пойдем, проведу тебя.

– А можно? – Анна, кажется, по-настоящему удивилась.

– По-твоему, я что, пригласил тебя по лесу прогуляться?

– Ну… тоже вариант, – засмеялась девушка.

– Пойдем, – Дреер увлек ее на тропинку, – заодно старое помянем.

От кромки леса до интерната на самом деле было не более десяти минут ходьбы. Но эти двое, казалось, шли не менее получаса.

– …Потом Карен закатил банкет у себя в ресторане. А Гоша на следующий день провел-таки меня на своего «Джекила и Хайда».

– Я была, – улыбнулась Анна. – Гошку не видела, конечно. А мюзикл красивый.

– Артем про тебя спрашивал.

Комаров пытался при этом выглядеть равнодушным и уверенным, но уже, видимо, забыл, что Дреер в состоянии различать сполохи эмоций в ауре. Впрочем, у него и по невербалике все было видно.

– Как он? – Девушка опустила глаза.

Все семеро «мертвых поэтов» и восьмая Голубева разъехались сразу после заседания Трибунала в Праге десять лет назад. Им даже не позволили вернуться в интернат и забрать вещи: Дреер, на которого тоже наложили взыскание, тогда развозил все сам. Анна оканчивала школу в родном городе. Местный Ночной с

подачи Инквизиции устроил ее в самую престижную, с языковым уклоном. Проблем, из-за каких девочка попала в интернат для трудновоспитуемых Иных, с утратой способностей к магии у нее быть не могло по определению. Разве что как была слишком принципиальной, такой и осталась.

Артема, свою первую школьную любовь, она больше не видела. Хотя через три года стала учиться в Москве, в педагогическом, и они могли бы встретиться. Может, так и случилось. Дреер этого не знал.

– Неплохо. Диссер пишет. Что-то там про связь эмоционального состояния донора и эритроциты… не разбираюсь, могу наврать. Тему, насколько понял, научный отдел московского Дневного подкинул. У человеческой науки таких данных еще нет. Так что лет через двадцать-тридцать, когда признают, глядишь, и Нобелевку получит. Я, знаешь ли, утопист.

Они вышли на центральную аллею.

– Тихо… – сказала Анна почти шепотом, словно не желая разрушать атмосферу даже тоном голоса.

– Каникулы, – ответил Дреер.

– А Виктор Палыч тут?

– Лих… Виктор Палыч давным-давно на повышении!

Бывшего начальника Дреера обычно называли Одноглазым Лихо. Несмотря на прозвище, оба глаза у него были вполне рабочие, пусть один и не слишком здоровый. После захвата школы в шестом году сильно помятый Лихо все же оклемался и даже временно занял прежнее место. Однако Инквизиция направила его курировать все учебные заведения, которые так или иначе попадали в зону ее интересов. Не сказать, чтобы Лихо был рад. Но все же Иной он был служивый.

– А вместо него кто? Вы теперь главный?

– Нет. Борис Евгеньевич теперь старший надзиратель. А я как был замом, так и остался.

Дмитрий не был уверен, что отчество нового главы школьного Надзора Бориса Ярова – настоящее. Вот Христофор Варфоломеевич явно назвался так не по батюшке, а в честь святого Варфоломея. В печально знаменитую ночь, один из пиков активности парижских Темных, Доктор истребил немало вампиров, решивших воспользоваться обстоятельствами.

Откуда взялся Борис Яров, сколько ему лет на самом деле, кем он был до Инквизиции – Светлым или Темным, младшему надзирателю Дрееру, разумеется, не сообщили. Поставили, как всегда, перед фактом. Уровень у Ярова был явно выше, чем у Лихо, и что-либо определить по серой ауре Дмитрий тоже не мог. Но судя по тому, как закрыто вел себя Яров, в Инквизиции он пробыл долго.

Дмитрий и Анна прошли мимо баскетбольной площадки. Там преподаватель магической безопасности Степан Каин гонял трех волкулаков-первоклассников. У них как раз начинался очередной цикл, и Каин ставил целью давать постоянную физическую нагрузку, чтобы к ночи совсем выматывались и не бегали дальше туалета. Сигануть в лес, как в былые времена, им помешало бы поставленное Яровым заклятие «красные флажки». Но последствия от него были крайне неприятные, потому Каин и усердствовал, действуя тоже по старинке.

Девушка, конечно, не могла понять, что перед ней младшие собратья Карена, Буреева и Алексеенко. Волкулаки не оборачивались. А с крыльца ее приветствовали радостным оскалом статуи других волков. Голубева даже не выдержала и погладила их лобастые морды.

В холле было тихо и пусто. После того как девять лет назад тут применили заклинание ветхости «тлен», пришлось делать капитальный ремонт. Холл стал более чистым, ухоженным, по-европейски комфортным. С большим количеством зелени – едва ли не каждый листок тут был зачарован Яровым, Каиным и преподавателем ботаники, – дизайнерской мебелью и абстрактной живописью. Одну стену даже отдали на поругание школьным райтерам – но граффити вышли на удивление гармоничными. Впрочем, эту стену как раз загородили растениями больше всего.

– Интересно, – сказала Анна. – Но как-то не так…

– А что не так? – полюбопытствовал Дреер.

Девушка морщилась, оглядываясь.

– Как будто магия совсем другая. Хотя я не чувствую. Но все же…

– Ты права. Школа стала совсем иная… не с большой буквы. Сама увидишь и прочувствуешь.

Они поднялись на второй этаж. Анна не столько смотрела по сторонам, сколько прислушивалась к себе. Хотя способностей у нее давно не было, эмоциональная сфера осталась не вполне человеческой, пограничной. Без волшебства, на одной тонкой душевной организации, Голубева улавливала то, что Иные читали сквозь Сумрак. Дмитрий иногда думал: не будь у Анны такой сильной воли, без магии ее внутренний мир давно бы сломался. Но профессию она выбрала неспроста.

После ремонта на стенах почти не осталось свободного места: все занимали росписи и надписи на латыни, древнегреческом и санскрите. Для человеческих комиссий и делегаций, которые иногда посещали этот приют волшебников – а по документам интернат проходил как финансируемая на частные деньги школа для одаренных детей с постоянным проживанием, – поддерживалась легенда, что это древние изречения о мудрости и знании. На самом деле школу опутывала сеть заклинаний, и настенные тексты были частью охранной магии.

Новый глава Надзора Борис Яров не был педагогом. С детьми и подростками до этого своего назначения, как понял Дмитрий, он дел особо не имел. Но зато Яров слыл в узких кругах специалистом по безопасности. Это где-то разузнал Лихо, уровень доступа которого был куда выше, чем у Дреера. К примеру, Яров участвовал в создании новой системы защиты пражского схрона артефактов после атаки на аналогичный бернский в девяносто девятом. Наверняка он что-то потом додумывал и доплетал, когда схрон ограбили сначала Дреер с фехтмейстером-наставником, а потом бывший уполномоченный по Восточной Европе Эдгар с подельниками. Дмитрий никогда не говорил с Яровым об этом инциденте. Того можно было бы назвать человеком-функцией, если бы он вообще был человеком.

– Теперь не как раньше, – разглагольствовал Дмитрий, пока они с Анной шли по коридору. – Всем накладывается временная печать магического блока. Кроме

учителей, конечно, и воспитателей. Входишь в кабинет, она реагирует на символ, и можешь колдовать. Строго во время урока. На переменах блок автоматически восстанавливается. И так везде. На улице – никакой магии. На спортплощадке – тоже никакой. Вот Борисыч… обрадовался!

– Да уж, он читинг никогда не любил! – улыбнулась Анна. – И допинг!

Школьный физрук Виталий Борисович инициировался поздно, к пятидесяти. Для него оказалось большим ударом известие, что своими успехами в пятиборье он обязан неосознанному волшебству, а вовсе не тренировкам. С тех пор он рьяно преследовал колдовское жульничество на разного рода соревнованиях. На памяти Дреера его несколько раз даже приглашали столичные Дозоры выступить экспертом в расследованиях, где так или иначе были замешаны спортсмены. А еще до своей школьной эпопеи Борисыч однажды сам попал под разбирательство, когда в порядке самосуда и в нарушение Договора гонял Темных с Московского ипподрома. Нововведения Ярова он приветствовал едва ли не больше всех.

– В жилом корпусе в Сумрак не войдешь. Даже ауру не считаешь! Если ключ от комнаты потерял – беги к дежурному.

– Как все строго… – протянула Анна.

– Зато никаких нарушений. В лес – и то не удерешь. Как только за периметр шагнул с активированной печатью, так сразу начинает жечь, будто крапивой. Сам обратно прибежишь! Были попервоначалу даже такие соревнования, обряды посвящения, кто дольше вытерпит да глубже пройдет. Но больше десяти минут никто не выдерживал.

– А это допустимо? – В голосе Анны прозвенели нотки, какие Дмитрий слышал у нее давным-давно.

– Там все хитро. Заклинание дает лечебный эффект, как настоящая крапива. Так что я могу сказать, что ты сейчас чувствуешь. Почти что обычную школьную ауру. Просто есть физматшколы, а у нас вот…

Словесник распахнул перед Анной дверь кабинета школьного Надзора. Девушка нерешительно остановилась у порога.

– Не беспокойся, я тут один на время каникул. Яров больше в Праге сидит. У нас же никаких ЧП теперь не бывает. Скука! Разве с лестницы кто-то сверзится. И то Каин собирается там «замедлители» установить, чтобы, даже если кто рыбкой вниз нырнул, приземлился мягко. Только все никак не отладит. Он поставил было, так все стали опускаться-подниматься медленно, как улитки по листку с засохшим вареньем. Пробки на лестнице – ты бы видела!

Анна озиралась, войдя в кабинет. Здесь тоже многое изменилось. Но мебель по большей части осталась прежняя, даже знаменитое кожаное кресло, в которое сажали вызванных для профилактических бесед и отеческих наставлений. Раньше беседами занимался Лихо, сейчас приходилось Дрееру – начальство в основном плело чары. Спасибо, что не интриги.

После некоторых сомнений Анна все же уселась в это кресло. Дреер отошел к кофемолке. Кристально честный и неподкупный Инквизитор Яров все же имел человеческую слабость: ценил экзотические сорта – их ему доставляли со всего света. Младшего надзирателя он тоже угощал и открыл доступ к заветному тайничку. Кроме того, обучил паре кофеманских заклинаний родом с Карибских островов.

– У нас даже магия теперь преподается больше в теории. – Дмитрий колдовал над размолотыми зернами.

В кабинете вообще могли колдовать одни Инквизиторы – особая сфера допускала контакты с Сумраком только носителям серой ауры. Яров истратил на это целый амулет, силы которого хватило бы на подъем «Титаника». Как он добился разрешения, Дреер не представлял.

– …Расклад простой. Здесь учат соблюдать Договор. Точка. А кому нужно уметь больше, потом и на курсы своего Дозора может походить.

– А как же оборотни? Вампиры? Они же не могут себя контролировать… малыши, например… – Анна изучала глубокие старые царапины на подлокотниках, оставленные когтями невольных гостей кабинета.

– А здесь наука тоже не стояла на месте. – Дмитрий разливал напиток по чашкам. – Вампирам специальную сыворотку колют на основе так называемого

коктейля Саушкина. Она резко притупляет ломку. Позволяет даже возрастные кризы проходить без живой крови. С оборотнями тоже занимаются, у них группы, тренинги каждую неделю. У нас теперь даже школьный психолог есть! И не какой-то балабол, а настоящий профи. Целитель, наркоманов в обход Договора вытаскивал. Темные его на живца поймали и предъявили, а Светлые с Инквизицией договорились и сослали к нам, в глушь.

– Вы волшебник. – Голубева вдыхала аромат над чашкой, словно делала ингаляцию.

– Станешь тут… – Дмитрий уселся за свой письменный стол. – Я сейчас на работе, потому и могу чудесатить. Мое-то взыскание не на десять лет, как у некоторых, а на двадцать.

Чашка в руках Анны звякнула о блюдечко. Дреер невольно заметил, как расплывается в ее ауре клякса вины.

– Сахар? – широко улыбнулся он, будто внезапно спохватился, что забыл предложить.

– Нет. – Анна помотала головой.

– Знаешь, что самое неприятное? Меры безопасности – это, конечно, хорошо и даже прекрасно. Только у нас почти никто больше и не пытается ничего нарушать. Ни хулиганов, ни стычек Темных со Светлыми. О чмошниках никто не слышал много лет. И не только потому, что мы, как что не так, – за шкирку и в это кресло. Не интересны стали всем такие игры. Ладно – враждовать, дружить меньше стали. Сидят в социалках, играют в сети. Их перевоспитываться направили, а они как будто из дома не уезжали…

Дреер немного покривил душой. В школу уже мало кого присылали перевоспитываться. Несмотря на ряд инцидентов в прошлом, обучение здесь стало весьма престижным для Иных. Тех, кто окончил с отличием, охотно принимали в Дозоры, подтянуть их в плане магии было уже простой задачей. Кое к кому присматривалась даже Инквизиция. Особенно к тем юным хакерам, кто пытался, и временами небезуспешно, преодолеть магические защиты Ярова.

Но со времен «мертвых поэтов» в школе больше не было бунтарей, ниспровергателей основ, исправителей несовершенного мира. Школа от этого, наверное, выигрывала. А вот сам Дреер – нет. Он и признаться-то в этом никому не мог.

Дрееру стало некого спасать. Лихо как-то еще давно сказал ему, что Дмитрий привык к «педагогическому экстриму». А теперь он делал то, что положено, – надзирал. В Царскосельском лицее, помнится, надзиратели были самыми презренными из работников. Правда, когда Дмитрий поделился этими соображениями с Лихо, тот резонно отметил, что и лицей прославился лишь первым выпуском.

– Дмитрий Леонидович, – Анна выдернула Дмитрия из потока мыслей, – вы же меня не просто так сюда привели, кофе угостить. Я тоже должна или подать прошение о помиловании, или отказаться. Как ребята?

– С тобой все сложнее… – Словесник полез в верхний ящик стола и вытащил копию прорицания на «мертвых поэтов». Пододвинул к Анне. – Если хочешь, прочитай. Их выбор был очевиден. Кое в ком я сомневался… не буду говорить, извини. Но все проявили командный дух и школьную солидарность.

– Просто они остались людьми… – Анна пробежала глазами бумагу.

– Они остались Темными. Хотя сами этого не поняли. Они выбрали то, что лучше для них лично. Не скрою, мы с Доктором их к этому подвели, причем не сговариваясь. Я был бы совсем никудышным преподом, если бы не хотел, чтобы они поступили именно так, а не иначе. Но все захотели быть рядом с Иными, получать преференции. Подозреваю, даже не будучи бессмертными, они меня переживут…

Дреер опять не договорил, бессовестно пользуясь тем, что Анна не может увидеть его ауру. Он хотел, чтобы все бывшие «мертвые» отказались. И они отказались. Но еще он ждал бунта. Вроде того, какой устроил когда-то Доктор Вамп и стал навеки проклятым. Стал не ради бессмертия и не ради самого себя, что бы там про него ни думал Сумрак, сотворивший метаморфоз.

Вряд ли «мертвые поэты» разучились бунтовать или протестовать. Просто они выросли.

Плох тот учитель, который не мечтает, чтобы его переросли ученики. Чего тебе еще надо, наставник Дреер?

– Не бессмертные, – сказала Анна. – Зато живые.

Не нужно было читать мысли, чтобы понять, о каком бывшем вампире она сейчас думала.

– А с тобой все сложнее, – повторил Дмитрий. – Строго говоря, ты не переставала быть Иной. Ты разделила себя на две неравные половинки – человеческую и нечеловеческую. И вторую подарила Кармадону, он же Дункель, он же Тот, кто никогда и ничего не отдает обратно. Кстати, не исключено, что он сейчас может нас услышать. Странно, если тут нет каких-нибудь скрытых от меня инквизиторских «жучков».

– Здравствуйте! – неожиданно произнесла Анна в пространство. Взглянула на Дреера и прыснула: – На всякий случай…

– Так что твою Тень не вернут в любом случае. Еще никто не пытался вводить в Сумрак Иного, у которого отрезана его Иная часть. Тем не менее аура у тебя незавершенная, с разрывами, следовательно, инициировать возможно. Если тебя помилуют, скорее всего будет одно из двух. Вариант первый: после повторной инициации ты не восстановишь способности толком. Будешь на грани, почти как сейчас. Сможешь только очень простые вещи, например, отличить Иного от обычного человека, Светлого от Темного. Вариант второй: как говорит Доктор Вампир, нельзя обмануть Сумрак. Он сохранил отпечаток твоей личности. Ты опять станешь тем, кем была. Джинном класса «эго». Исполнителем своих желаний. И тогда тоже одно из двух. Или твоя Тень, которая у Кармадона, исчезнет, Сумрак восстановит равновесие. Или он даст тебе новую, а ту не тронет. И я вовсе не думаю, что Кармадон согласен упустить ценный артефакт – хотя бы и гипотетически.

Дмитрий замолчал, как будто ожидая, что через Сумрак долетит: «Правильно думаешь!»

– И?… – спросила Анна.

– С ребятами в Москве ситуация была такая: большая вероятность решения Трибунала в их пользу – и вполне предсказуемые последствия. Отнюдь не положительные. С тобой наоборот. Инквизиция найдет какой угодно повод, лишь бы не помиловать тебя.

– А что я могу?

– Мне нужно знать, хочешь ли ты снова быть Иной. Если нет, то нет. Если да, то мы будем бороться. Честно говоря, я бы хотел, чтобы ты стала просто Иной. Не джинном, а волшебницей. Или магом-предметником, проще говоря – доброй ведьмой. Ведуньей.

– Как в «Службе доставки Кики»?

– Угу. Только чтобы работала не в службе доставки, а в школе. Иные с педагогическим образованием нужнее, чем джинны. А ты – педагог.

– Я – не такой педагог, – смущенно улыбнулась Анна. – Я дефектолог. Я в коррекционной школе работаю, а не в простой. И еще в медцентре.

– Не беда. Ты согласна?

Дреер поймал себя на том, что с такой пафосной интонацией делают предложения в романтических фильмах. Правда, он никогда не делал предложений и не знал, как оно бывает на самом деле.

– Да, – сказала Анна. – Только… Дмитрий Леонидович, я бы не хотела работать здесь.

– А где? В Дозоре?

– Нет. Так же, с детишками. Где сейчас. Или, может, у нас в городе, а не в Москве.

– Что ж… – Дреер не ожидал такого поворота. – Есть за что бороться.

Он много раз думал, почему им всем тогда вынесли настолько мягкий приговор. Всего лишь десять лет поражения в способностях тем, кто в открытую бросил вызов Инквизиции и Дозорам. И всего лишь административно-магическое взыскание для перебежчика Дреера, бившего по штурмовой группе.

Кое-что вырисовалось у Дмитрия достаточно рано. Трибуналы Инквизиции давно уже не правосудие, а политика. Там выносят не справедливые, а целесообразные приговоры. Прежде чем даже соберется коллегия, целый пророческий отдел будет закатывать глаза, раскладывать карты и всячески камлать, а через стенку будут дымить крепким табаком аналитики и стучать по клавишам программисты электронных оракулов. Лишь бы просчитать возможные последствия того или иного решения. Санктус терроре. Священный Ужас. Девиз Инквизиции.

Одно из первых, чему там учат, – бояться. Темных – бояться не только за себя. Вот почему они преодолевают себялюбие. Со Светлыми – и проще, и труднее. Их учат бояться войны сильнее, чем любого другого зла. Вот почему даже Светлые в итоге преодолевают гуманизм и совесть.

Если бы стало нужно, никто и глазом бы не моргнул, развоплотив одного взрослого и восьмерых невзрослых, виновных в нарушении Договора.

Хотя можно было и не развоплощать, но сделать так, что не десять лет, а век бы помнили. Могли бы лишить антропоморфного облика. Могли бы, кроме магических способностей, заблокировать часть умственных – есть такая мера наказания, известная как «кара богов». Могли бы изъять до срока часть органов, например глаза, чтобы потом вставить обратно по решению Трибунала. Такие трюки были популярны века до восемнадцатого. А еще можно было бы наложить «печать вины», чтобы осознали, – больше пяти лет с ней никто обычно не выдерживает, сами лезут в петлю. Или не столь жесткое, но более изощренное, популярное в девятнадцатом веке наказание «идефикс», когда ты все время как бы невзначай сталкиваешься с напоминанием о роковом проступке. Это как реклама, которую нельзя отключить. Или как платок, что каждое утро подкладывали несчастной булгаковской Фриде.

Спектр воздействий, предусмотренных параграфами и уложениями, велик. И все было можно, только уже – бесполезно.

Как знать, что выдали тогда прорицатели и вычислители? Грядущую роль Дреера в активации «Венца Всего», пускай туманно и образно? Сцену, как тот уходит в нижний Сумрак добровольно? А ведь он не смог бы дотянуть до той ночи, не будь его восемь обормотов живы и здоровы… Что для Инквизиции поступиться этой восьмеркой, уже и без того наказавшей себя?

Наказание должно иметь смысл. Магические наказания – для магов, а не для тех, кто выбрал быть как люди. Не этому ли хотели научить весь дрееровский курс, который привели смотреть тот показательный спектакль?

Так Дмитрий полагал еще совсем недавно. Потому и строил прогнозы на исход повторного слушания. Но после встречи с «поэтами» и сегодняшней беседы с Анной еще одна разноцветная стекляшка-смальта легла в общую мозаику.

Инквизиция всегда наблюдает. Всегда экспериментирует. Кармадон не просто так собирает артефакты, чтобы держать за семью печатями и чахнуть над ними, как царь Кащей. Он постоянно с ними работает. Дункеля интересует все, что может отодвинуть Священный Ужас… и укрепить его личную власть.

Сама школа – эксперимент. Большой эксперимент, призванный дать сведения о том, как уживутся Светлые и Темные, когда они еще не умеют договариваться и сдерживать себя. И школа предоставила такие данные. Вот почему Ярова не прислали сразу, еще при основании интерната, чтобы поставил свою защиту. Хотели посмотреть, что будет без этого. И посмотрели, и сделали выводы. Какой смысл показательно расправляться с лишенными способностей школярами, если все необходимые данные уже получены?

Зато их можно использовать. Через несколько лет. Как людей. И даже как джинна, ведь контрольный пакет акций в твоих руках, в твоем схроне. Ты был прав, Кармадон.

Иногда словеснику даже казалось, что эксперимент продолжается. Он не делился с этим ни с кем, даже с Лихо.

Логичный следующий шаг: накладывать каждому Иному печать, которая при осознанном нарушении Договора немедленно развоплощает носителя. Или, скажем, работает более гуманно, лишая магических сил на срок, определенный тяжестью проступка. Дивный новый мир. Иная антиутопия. Наверняка такие

идеи разрабатывались. Скорее всего, нечто подобное уже предлагал сам Яров. Даже если таких чар еще не создано, над ними стоило бы поработать научному отделу.

Но вряд ли Инквизиция на это пошла. И не пойдет. Потому что тогда она сама будет не нужна. Если младший надзиратель Дреер сидит и мучается от того, что ему некого спасать и некого выгораживать, каково будет самому Кармадону осознать, что собранные за века артефакты можно сдать в пражский музей и даже не разряжать.

– Дмитрий Леонидович, – сказала Анна, деликатно звякнув кофейной чашкой. – А здесь еще работала женщина. Молодая такая, красивая. Тоже Инквизитор. Это она мне сказала, что вы… ну, якобы погибли. Где она сейчас?

– В Праге, – коротко ответил Дреер.

На бывших «мертвых поэтов», ставших взрослыми и прагматичными, у Инквизиции могли быть виды, хотя бы как на лояльное звено между Иными и людьми. А вот для ревоплощенного надзирателя Дреера места, казалось, не нашлось. Его даже не судили, хотя перед гибелью он совершил как минимум еще два страшных по меркам организации преступления – прямое неподчинение приказу и нападение на схрон. Дреера тщательно допросили без каких-либо манипуляций над сознанием, навесили печать «Карающего Огня» и…

…как будто предпочли забыть. Иву Машкову, которая служила на его месте, почти немедленно отозвали в Прагу. Они переписывались, связывались через Сумрак, поначалу в каждый свободный момент, потом все реже и реже.

Дмитрию хватало забот после возвращения с того света. Возился с детьми, вытащенными из Сумрака. Ездил к поднадзорным «мертвым поэтам», убеждая, что слухи о его смерти были сильно преувеличены. Мол, бюрократы Инквизиторы списали его, потерянного на задании, а он возьми да и выживи, где наша не пропадала. Когда он так врал в то время еще шестнадцатилетней Ане Голубевой, то первый и последний раз увидел ее слезы. Тяжелее всего был визит к матери, когда пришлось копаться в ее памяти, закладывая мнимые воспоминания о своей заграничной поездке, автокатастрофе и длительном лечении.

А Ива… Сперва он врал себе, что просто занят, не может, позже все восстановит. Затем наступил период цинизма:

И какую-то женщину,

Сорока с лишним лет,

Называл скверной девочкой

И своею милою.

Сколько Иве на самом деле, он не знал, только видел следы консервации в ауре. Она и не думала их скрывать.

Наконец в какой-то момент Дмитрий просто сдался. Понял, что уже ни за что не готов бороться. Что боец просыпается в нем, только когда дело касается учеников. А бороться стало не за кого.

Его вернули на место и оставили пылиться на полке. Яровские ухищрения свели Надзор к минимуму, а с обычными детскими и подростковыми проблемами учеников справлялись воспитатели. Дмитрий куда больше занимался подготовкой к урокам русского и литературы, чем прямыми обязанностями. Он к тому же не мог, да и не хотел вызывать интерес к предмету с помощью магии, хотя Яров предлагал вплести в свою паутину простенькое заклятие. Но Дмитрий предпочитал все творить по старинке.

Как настоящий учитель, он научился не говорить всей правды. Анна не знала, что, приглашая ее сегодня в школу, словесник делал это для себя, а не для нее. И что теперь у него появился маленький смысл. Теперь ты не только каратель. Теперь ты снова защитник.

Как всегда, в такой «подходящий» момент зазвонил телефон. Обычный аппарат на столе, соединенный с факсом. Черная пластмасса уже давно приобрела сероватый оттенок: то ли выцвела от времени, то ли сказалось присутствие Инквизиции.

Анна вздрогнула. Дмитрий невозмутимо поднял трубку.

– Наставник Дреер, – утвердительно произнес знакомый голос. Можно было бы сказать «полузабытый», но словесник голосов не забывал. А таких – в особенности.

* * *

Константин Стригаль потерял магические силы при том же инциденте, который стоил «мертвым поэтам» и Анне приговора к человечности. Но как пострадавшему на службе силы ему вернули, инициировав заново. Даже уровень прокачали, насколько смогли: Дмитрий не определял по ауре, значит, тот уже превышал его собственный. Впрочем, поднять уровень до старых показателей вряд ли составляло очень сложную задачу. Еще на лекциях не кто иной, как Стригаль, учил, что магический ранг зависит не от закачанной энергии, а от «емкости», способной ее вместить. Даже слабого волшебника можно было бы подключить к «электросети», для того и был когда-то придуман Круг Мага. Однако настоящая мощь определялась незримым и неосязаемым объемом личного «резервуара». Тем, сколько энергии мог бы нести в себе Иной без внешней подпитки, если бы его наполняли одни только люди. Или Сумрак.

– Вы, наверное, думали, что о вас позабыли, наставник Дреер? – с ходу начал Стригаль.

Его кабинет в пражском здании Бюро, как ни странно, мало отличался от кабинета школьного Надзора, который Стригаль некогда возглавлял. Разве что стол был только один. Инквизиторы вообще старались, чтобы офисные помещения не отличались от человеческих контор, хотя нога человека сюда обычно и не ступала. Однако те Инквизиторы, кто принимал решения, за редким исключением были Иными уже далеко в годах. За быстро меняющейся модой они попросту не успевали, несмотря на старания референтов. Потому кабинеты выглядели всегда респектабельно и немного старомодно.

Стригаль всегда казался Дрееру именно таким Инквизитором – выходцем из другой эпохи. Их первая крупная стычка произошла, когда тот применил запрещенный метод при допросе еще совсем юного оборотня Алексеенко. Дмитрий и подумал, что Стригаль пришел в Инквизицию, когда пытки на дознании были делом обычным. Разочаровал его Лихо, который, уйдя на повышение, прознал в кулуарах много нового. Стригаль оказался моложе Лихарева. Он родился в конце двадцатых в Минске, а инициировался во время

немецкой оккупации. Инициировался в Темного, увидев расправу над кем-то из горожан. А дальше подросток Костя начал убивать. Особенно хорошо у него выходило насылать проклятия: редко какой гитлеровец или полицай жил после этого дольше нескольких дней, а подозрений мальчик на себя не навлекал. Некоторые проклятия Стригаля настигали всю родню жертвы и держались в течение десятилетий. Уже в двадцать первом веке, незадолго до назначения в школьный Надзор, ему пришлось самому ездить по Европе и собственноручно их снимать.

Стригаля вычислил Темный немецкий офицер и, видимо, не желая уничтожать ценный кадр, попытался ознакомить с Договором. Мальчик не поверил врагу. Если бы не Ночной Дозор, ушедший в подполье и сражавшийся бок о бок с подпольем человеческим, Стригалю было бы не выжить. Но мага-фашиста вовремя опознали и развоплотили, мальчика передали Дневному Дозору: на время войны распри были забыты, победа стала делом общим. Тогда Стригалю все же пришлось соблюдать Договор.

Но в послевоенное время возмужавший Темный начал все сильнее мешать и Дневному Дозору. Он был не в меру принципиален, несговорчив и безжалостен, хотя подполье научило его выдержке. Неудобные качества Стригаля особенно проявились в горячие шестидесятые. Мир людей стоял в шаге от катастрофы в дни Карибского кризиса. Мир Иных был в шаге от настоящей, а не холодной войны Дозоров спустя десятилетие.

Стригалю ничего не оставалось, как перейти в Инквизицию. Познавший Тьму во время самой страшной из войн, он не хотел еще одной такой же.

…Вопрос, заданный им сейчас Дмитрию, был риторическим, и надзиратель в ответ лишь неопределенно шевельнул бровями.

– Для вас просто не находилось достойного занятия, – продолжил Стригаль.

Позвонив по телефону на известный ему номер, Инквизитор был краток:

– Вы мне нужны. Немедленно. Яров в курсе и сегодня же прибудет в школу. Я открою вам портал.

– Подождите… – Дмитрий покосился на удивленную Голубеву и попросил себе несколько минут отсрочки.

За это время он успел вывести Анну из школы, провести через лес и посадить в такси, обещая связаться при первой возможности. Кто именно их прервал, Дмитрий не сообщил.

Прямо из леса он позвонил Стригалю и шагнул через портал в его кабинет.

Можно было догадаться: просто так Силу ради него тратить не будут. До того Дмитрий обычно летал в Прагу бизнес-классом, сначала еще автобусом или поездом добираясь до Москвы.

– Я давно говорил, что вы педагог, а не Инквизитор. Как Иной вы слабы, как сотрудник слишком подвержены влиянию. Будь моя воля, я отправил бы вас в отставку.

– Знаете, – вставил Дмитрий, – здесь я с вами согласен. Как ни странно…

– Но теперь у нас есть дело, где вы можете пригодиться. А еще оно может вас заинтересовать.

– Вот как?

– Замешаны дети. Иные дети.

– Которых вы, Старший, конечно, хотели бы поймать и как следует допросить. – Дмитрий не мог этого не сказать, словно какой-то внутренний чертик-гомункул дернул за нервы, управляющие языком.

Словесник откинулся на спинку кресла. Выпад был сделан, следовало ждать ответного.

– Дети меня не интересуют, – спокойно ответил Стригаль. – В случае успеха операции они все попадут в ваш интернат. Или в другой, европейский. Об этом позаботится Лихарев. Меня же интересуют взрослые, которые за ними прячутся.

– Что они делают?

– Мы предполагаем, что в Праге действует некая группа Иных. Скорее всего Темных. Руководят, видимо, несколько взрослых, но преступления совершаются руками детей.

– Какие преступления? – не выдержал Дмитрий.

– Кражи магических книг.

– А почему вы сказали «скорее всего Темных»?

– Есть слепок ауры. Она не имеет цвета. Это еще не определившийся ребенок. Да, Инквизиция разбирала случаи, когда детей с чистой аурой использовал в своих комбинациях Ночной Дозор[2 - Подробнее об этом можно прочитать в романе Сергея Лукьяненко «Ночной Дозор», история вторая «Свой среди своих».]. Но сколачивать шайку таких? Сомнительно для Ночного. Хотя все возможно, никакой вариант нельзя отбрасывать.

Стригаль не рассказал и того, что Дмитрий проходил еще десять лет назад, на истории Инквизиции. Иная криминалистика знала немало случаев вовлечения детей в различные игрища волшебников. Здесь действительно постарались и Светлые, и Темные. Но лишь Темные использовали группы детей. У Светлых, как правило, хватало совести рисковать только единицами.

– Мне нужно участвовать? – Словесник перешел на деловой тон.

– Верно. Только не в качестве оперативного работника.

– Как же тогда?

– Я повторю свою мысль, наставник Дреер. Как оперативник и маг вы слабы. Тем более тут замешаны дети, а это делает вас уязвимым. Как педагог вы мне тоже не нужны – сначала нужно поймать, а уже потом воспитывать. Вы мне нужны как приманка.

– Как приманка? Но я же не магическая книга!

– Зато вы известный мошенник.

Глава 3

Словесник знакомился с материалами дела.

Иные возникли среди людей задолго до того, как те научились писать книги. Но стоило появиться письменности – и маги тут же воспользовались. Тем более все, на что бы ни наносили хоть какие-то письмена, отлично поддавалось воздействию. Материалы в далекие времена были сплошь натуральными.

Иные освоили письменность не хуже остального человечества. Даже лучше, потому что быть грамотным и уметь разбирать нужные символы для Иного означало преимущество куда большее, нежели для человека. Особенно ценили книги ведьмы. Не слабенькие деревенские бабы-Иные, а ведьмы настоящие, не просто грамотные, зачастую – одни из самых образованных женщин своей эпохи. Как правило, им хватало ума и хитрости скрывать эту образованность.

Изобретение Иоганна Гуттенберга, один из громадных шагов человечества, для Иных значило крайне мало. Гримуары – произведения штучные, писать их надобно непременно вручную, не при всяких условиях и даже не во всякое время. А еще заговоренными чернилами, порой и кровью. Типографии магам были не нужны.

Людей становилось все больше, Иных статистически тоже. Дозоры появились в каждом крупном городе, появились и в мелких, хотя на огромных пространствах Азии, Африки, даже Сибири, не говоря уже об Америках, Иные могли творить почти все, что хотели. Даже руки Инквизиции были не столь длинны, как сейчас. И книгопечатание все же сыграло роль: ограниченным тиражом издавались учебники, труды чародеев, наконец, периодика. Все это маскировалось – человек, взявший в руки книгу или газету для Иных, видел в ней совсем не те слова и картинки, которые открывались даже малограмотному оборотню.

Впрочем, Иной, взявший в руки человеческую книгу или газету, тоже видел в ней не то, что обычный человек. Просто он вычитывал больше, а не меньше. Это,

пожалуй, сильнее всего нравилось Дрееру в его работе учителя-словесника. То, что доступно педагогу-Иному на уроках русского и литературы, не заменят никакие компьютеры.

Они учились понимать изнанку газетных статей и узнавать правду, сопоставляя свежий выпуск и его сумеречный текст, еще не потерявший эмоций редактора и журналиста.

Сравнивали корни слов из различных языков, чтобы наглядно представить, почему одни заклинания переводимы, а другие – нет.

А какой читательский восторг – понимать лучше самого Гоголя, чем должны были закончиться приключения Чичикова, или расшифровать все темные места в «Слове о полку Игореве»! Перед этим меркли даже лекции на тему, кто из знаменитых писателей был инициирован, а кто нет. Обязательно находился какой-нибудь умник, который грозился воспроизвести «Мертвые души», как задумывал их автор, переписав то, что видно через Сумрак, а затем подбросить в какой-нибудь архив. Естественно, этот умник чаще всего был Светлым. Последней, кто собирался такое проделать, кажется, была Анна.

Но к окончанию школы у всех находились более важные дела. А если окончить не удавалось, как Голубевой, – тем более.

Зато словесник даже властью Инквизитора не мог пробить, чтобы ему разрешили хотя бы ненадолго позаимствовать рукописи «Евгения Онегина». Он был уверен, уроки получились бы еще интереснее. Но права на сопутствующие магические действия ему никто не выдавал.

– Сидишь? – прозвучал за спиной Дреера риторический вопрос на английском.

– Да вот, ложиться собираюсь… – Дмитрий развернулся в кресле.

Ему выделили для работы узкую каморку без окон, практически келью, до потолка заполненную стеллажами с аккуратными подшитыми папками, с одним маленьким столом и ноутбуком. Последний – о, чудо! – был вполне современным. Дмитрий запомнил кабинеты Инквизиции другими, но с его последнего визита в штаб-квартиру Бюро прошло столько лет… Да и раньше, когда нужно, контора при случае извлекала на свет чудеса техники. Просто она им не очень доверяла.

Сейчас в и без того тесное пространство втиснулась грузная фигура рыжего Майлгуна.

– Не торопись укладываться, – улыбнулся здоровяк, глядя сверху вниз. – Я хотел позвать тебя на ужин, когда закончишь.

Усадить Люэллина было некуда, вставать самому и толкаться, как в лифте, тоже как-то не с руки. И даже постоять в коридоре было бы негде: в подвальном этаже, естественно, даже подоконников не водилось. Курилок же не было во всем здании.

– На ужин? Заманчиво.

– Угу. На семейный.

Майлгун продемонстрировал кольцо на пухлой фаланге.

– …Мне кажется, я знаю твою жену, – помедлив всего секунду, произнес Дмитрий.

– Хорошо знаешь.

– Могли бы и на свадьбу пригласить.

Дмитрий не мог этого не сказать, хотя вряд ли бы поехал, даже если бы приглашение доставила стая зачарованных почтовых голубей… или сов.

– Не было свадьбы, извини. Просто зарегистрировались тут, в Ратуше. Даже подвенечного платья не было. Я предлагал Иве обвенчаться, но ты же знаешь, она некрещеная и не хочет… Нас и на медовый месяц не отпустили, дали пару лишних выходных и все. Это начальство может себе позволить все что угодно, когда жениться надумает, – вздохнул Майгун. – Надо бы карьеру делать, только я не оперативник, а целитель…

Дмитрий почему-то подумал сейчас не про друзей, а про Эдгара, бывшего куратора восточноевропейского сектора от Инквизиции. Вроде бы его место

теперь занял Максим… Мнимый несчастный случай с женой Эдгара, да еще в медовый месяц, имел очень далеко идущие последствия, включая смерть и воскрешение самого Дреера.

Скорее всего, Инквизиция сделала выводы.

– Поздравляю. – Дмитрий все же встал и пожал руку Майлгуну.

А еще он поймал себя на том, что не чувствует ни зависти, ни сожаления. Ни-че-го.

– Спасибо, – почему-то невесело отозвался рыжий. – В общем, как закончишь тут, приходи. В любое время. Лучше позвони, я подъеду.

– О’кей. – Дмитрий не любил это слово, но русского валлиец так и не выучил.

– Ива, между нами, готовит неважно, – подмигнул Майлгун. – Но ради твоего прихода обещала что-то наколдовать, ее тут наши ведьмы подучили.

– Могу добавить в копилку парочку заклинаний для кофе, – сказал Дреер. – Меня Яров натаскал по этой части. Но мне еще здесь долго…

Он снова бухнулся в кресло и махнул рукой в сторону ноутбука и стопки папок. Одна была раскрыта, словно простирая крыло над клавиатурой.

– Вот еще что… – Майлгун бросил взгляд на документы и посмотрел опять на Дмитрия. – Я не только ради ужина. Я тоже в этом деле. Стригаль наверняка тебе не сказал, и я решил сам. Мы с тобой вроде как старые друзья, не будет же он выговор за это делать. Ты его не любишь, да его никто здесь особо не любит. Здесь почти никто никого не любит, если честно.

– Это мне и не нравится, – согласился Дреер. – Ты же знаешь, за что его не люблю я.

– Угу. Для того я с тобой и говорю. Не беспокойся зря. Наше дело – поймать этих парнишек. А допрашивать их Стригалю не позволят. Дознание буду проводить я сам.

– Ты? Это, пожалуй, радует. Но ты же целитель!

– Я же сказал: карьера. У меня теперь семья, если помнишь. Конечно, Высший память лучше меня вскроет, зато я – аккуратнее. Я знаю про мозги кучу такого, что и не снилось нашим мудрецам… Я эти мозги лечил, в конце концов. И с магией, и без магии. Как раз детские.

– Ты что, собираешься вскрывать память?

– Лучше уж я, чем кто-то другой. Но до этого, скорее всего, не дойдет. Кроме того, не забывай, их главари могли им и заминировать сознание. Мне эти грязные трюки известны. Но я не для того в Инквизицию пришел, чтобы…

Он почему-то не закончил, а Дреер не мог не продолжить. В конце концов, их уже многолетняя «вроде как дружба» вполне это позволяла.

– А что ты вообще забыл в Инквизиции? Ты как-то говорил, еще давно, что даже в Дозоре не состоял?

– В штате – нет. В резерве – да. В Монмуте очень небольшие Дозоры, и они работают не только по городу – по всему графству и дальше. У нас почти ничего и не случалось. Иногда ведьмы пошалят, иногда вампиры обнаглеют. Но один раз банда оборотней завелась. Откуда-то из лондонских предместий их принесло. Подростки из неблагополучных вервольфьих семей. Там, знаешь, вечная проблема, пастей в доме много, а лицензий мало. Они держат, как правило, мясные лавки, если живут в городе, но кормовая база все равно слишком тесная. И вот там несколько голов сбились в стаю и подались к нам в глубинку. Не прямо к нам, на границы графства. Нас всех подняли, весь резерв, на эту охоту. Они успели зарезать только одного человека, больше промышляли по овцам. Вожаку светили Трибунал и Сумрак, а остальные могли отделаться и полегче. Им было всем лет по пятнадцать, не больше. Мы устроили облаву, и так получилось, все они вышли на меня. Я, конечно, приказал обернуться в людей, выйти из Сумрака, все как положено. Они не подчинились и решили прорваться. А у меня с собой был всего один амулет. Его я истратил на вожака. Другим пришлось ломать печати, когда это не подействовало… Они все были зарегистрированные. Сдались, когда я сломал четвертую. А их всего-то было восемь вместе с главарем. Самое паршивое, вожака потом отмазали от Трибунала. Зато меня таскали за превышение, как не знаю кого. Начальника

монмутского Ночного чуть в отставку не спровадили. Обошлось, но не в этом суть. Я подумал: не мы тут виноваты с дрянными амулетами и малым числом. В Лондоне надо было разбираться, меры какие-то профилактические принимать, программы внедрять… Только там даже лондонский Ночной таких полномочий не имеет, чтобы на Дневной надавить. А Инквизиция – имеет.

– Надавил?

– Как мог. Докладную написал. Там с тех пор куда лучше следят. Да и, знаешь ли, репутация. Представь себе: один парень уложил четверых оборотней, а его не то что под Трибунал не отдали, а наоборот, взяли в Инквизицию. Что же он как Инквизитор может, если приедет? А я время от времени езжу, сам прошусь в командировки на инспекцию, хотя мог бы тут сидеть, профессорствовать…

Дмитрий не стал расспрашивать дальше. Логика Инквизиции тоже была понятна. Иной не слишком высокого уровня, который не моргнув глазом методично ломает печати оборотням-бандитам, пока те не поднимут лапы кверху, а морально терзается лишь потом. Такие на дороге не валяются. Тем более целители со степенью доктора философии.

– Хорошо. Успокоил. – Дреер хлопнул по подлокотникам. – Как только все тут дочитаю, позвоню.

– Этим пацанам страшно повезло, что брать их будешь ты, – усмехнулся Майлгун.

– Не я. Или тебе не сказали тоже? Я приманка. А благодарить надо Чапека, будь он трижды неладен…

* * *

Рукописных магических книг, несмотря на всю трудоемкость, за века написали тысячи. А ведь еще было множество непереплетенных источников, которые в архивах Инквизиции хранились в тубах, отчего зал походил на винный погреб. Потому и библиотекарей Бюро содержало пусть и небольшой, но целый штат. С наиболее опасными книгами имел дело сам Кармадон – Совиная Голова. Множество других – рефераты, монографии, сборники официальных документов,

книги серии «Жизнь замечательных Иных» – можно было взять на абонементе.

Библиотеку в свое время возглавлял некто Янош Чапек. Он сумел выделиться только одним. Пана Чапека всегда удручал его нижайший, седьмой уровень. К тому же с детства Янош был не драчлив, боевого мага из него бы ни в коем случае не вышло, и подняться хотя бы до шестого через подвиги и приключения ему не грозило. А Чапек был самолюбивым Темным. И упрямец таки сумел найти обходной путь. Нет, Великим он, конечно, не стал. Однако устойчивого четвертого добился в одночасье. Ранее подобные игры удавались только на высших рангах магии и всего пару раз в истории этого мира.

Метода пана Чапека оказалась простой, гениальной и бесполезной для всех остальных.

Система буквенных знаков, нанесенная на тело, – не столько ради какого-то глубокого смысла, сколько для того, чтобы превратить бренную оболочку в текст.

«Сфера отрицания» вокруг Иного, развернутая в обратную сторону – этим самым отрицанием, – к автору заклятия.

Четыре вывернутых наизнанку Щита мага. Благодаря такой «обратности» метода и получила название «зеркала Чапека».

И главное. Двенадцать книг. Двенадцать самых глубоких впечатлений, самых четких отпечатков в душе. Двенадцать начальных фраз, запускающих эти воспоминания. Хорошо еще, что их не нужно было произносить задом наперед, как делать все остальное.

Способ, найденный Чапеком, потому-то и оказался бесполезным, что для нормального Иного – и человека – есть отчетливая разница между вычитанными эмоциями и реальным жизненным опытом. Нужно быть хотя бы немного сумасшедшим, но такие не в состоянии без ошибок воспроизвести всю цепочку шагов. Нужно быть законченным книжным червем с изрядной долей инфантильности – таким, видимо, и оказался пан Чапек. Или нужно быть законченным идеалистом, как наставник Дреер.

Единственный, кому удалось пройти путем изобретательного библиотекаря.

Впрочем, изобретательность Чапека на прыжке через две ступеньки и закончилась. Прага – город Инквизиторов. Здесь даже Дозоры более формальны и находятся под неусыпным контролем. Феномен сразу же привлек к себе внимание, и Чапека прибрали к рукам. О большем он не смел и мечтать. С годами пан Янош не придумал ничего нового, только простодушно и добросовестно описал свой метод в брошюре «Зеркала Яноша Чапека, или О возможности поспешного возвышения». Зато сделал неплохую для его уровня карьеру, поднявшись до главного библиотекаря без доступа к основному схрону. Инфантильность Чапека, способного поверить в книгу как в жизнь, сочеталась с чрезвычайной въедливостью, необходимой каталогизатору.

Давно перевалив столетний рубеж, пан Янош запросился на пенсию: уровень позволял ему избавляться от старческих хворей и даже не прибегать к виагре, но отнюдь не бесконечно поддерживать дряхлеющий организм. Просьбу уважили, библиотекарь вышел в почетную отставку и лишь время от времени приглашался к работе, если требовал какой-то особый случай. Почти за век беспорочной службы книгочей обзавелся неплохой коллекцией старинных человеческих книг, изучению которых и намеревался посвятить остаток своих дней.

Правда, бессемейный и бездетный Чапек все же ощущал себя одиноким. И тогда он предпринял еще один любопытный шаг. В своей библиотеке, занимавшей первый этаж старого дома, он открыл двери для всех желающих, превратив ее в частный музей редкой и магической книги. Два раза в неделю пан Янош, тщательно скрывая свой истинный возраст и прежний род занятий, даже выдавая себя за сотрудника, а не владельца, лично проводил экскурсии для детей и редких туристов. Рассказывал собранные им за жизнь страшные истории о книгах, иногда и подлинные случаи под видом городских легенд – и заодно немного подпитывался эмоциями и заряжал немногочисленные артефакты. Восторгами ценителей он, по причине своего посвящения Тьме, подпитываться не мог, вот и приходилось нагонять жути. Кроме того, к Чапеку потянулись библиофилы и ученые, которым он любезно дозволял пользоваться сокровищами, не вынося их за пределы дома. Неукоснительное соблюдение этого правила обеспечивала магическая защита – ее поставили благодарные выпускники курсов Инквизиции, используя разработки самого Ярова.

Разумеется, простым смертным был закрыт вход в подвальный, тайный зал библиотеки, где хранились настоящие гримуары, не представлявшие интереса для Бюро. Если честно, его крайне редко посещал и сам хозяин, находя более

интересным копаться в обычных антикварных изданиях, перечитывать любимую готику в оригинале или посмеиваться, наблюдая, как дети разглядывают картинки поддельного «Некрономикона».

Престарелый книгочей, насколько мог, старался поддерживать у молодежи интерес к печатному слову.

Он невероятно удивился, обнаружив пропажу книги из «магического отдела». Ее кофр был пуст. Чапек не мог заподозрить себя в рассеянности. Проникнуть в хранилище, обойдя все запреты, сумел бы, наверное, кто-то из Великих. Но им не нужно было красть или брать тайком, достаточно было вызвать Чапека и затребовать. Более того, пан Янош отлично знал, что манускрипт – не более чем список, а куда более ценный оригинал есть в библиотеке Бюро.

Что еще любопытнее – защитные системы авторства Ярова не зафиксировали вообще никакого магического вмешательства. Даже сильнейший маг, тщательно замаскированный от прочих Иных, производит возмущения в Сумраке. Это все равно что нельзя плыть, не задевая воды.

Сумрак в библиотеке, свидетельствовали охранные артефакты, был тих и безмятежен. Именно потому Чапек не стал докладывать о происшествии.

Пока не пропала книга из общедоступных. Редкое издание «Государя» Макиавелли, принадлежавшее одному давно осужденному Темному магу, рангом куда выше самого Чапека. После Трибунала имущество пошло с молотка, и Янош воспользовался. Ничего волшебного в книге, насколько он знал, не было.

И снова артефакты ничего не зафиксировали. А вот камеры наблюдения – да.

Детская фигура между стеллажей. Мелькнула и исчезла, как привидение.

Вот тогда Чапек забил тревогу. Забил тихо и аккуратно, как поступал всегда: написал докладную, подал в канцелярию и стал терпеливо дожидаться результата. Инквизиция бюрократична, но не слишком: дознаватели явились в тот же день.

Мгновенное перемещение в пространстве достигается только двумя путями. Один из них – портал. Временный, наведенный магом, или статический, прикрепленный к двум точкам на местности. Но это было исключено – портал легко отслеживается через Сумрак. Второй путь – артефакты. Самый известный – Минойская Сфера. Ее отследить невозможно, однако Сфера, по данным Инквизиции, была утрачена безвозвратно. Дознаватели принялись рыскать в поисках информации о других подобных артефактах, включая легендарные. Одновременно догадались просмотреть и более ранние видео с камер наблюдения.

Ребенок появлялся еще два раза. Появлялся хитро – ни разу толком не показавшись в кадре. Всего два новых факта было установлено: собственно, что взломщик – мальчик, а не девочка (скорее всего…) и что появляется в определенном месте.

Искать надо было там. Но ничего не нашли.

В этот момент делом заинтересовался Стригаль. Сперва он проверил информацию по другим исчезнувшим магическим книгам. Прямых обращений в Инквизицию не было… зато поступали длинные списки взаимных претензий Дозоров. А там нет-нет да проскальзывали обвинения: то один-де, то другой присвоил какой-нибудь гримуар. Обвиняемые, разумеется, открещивались.

Стригаль начал копать дальше. И таки нашел свидетельские показания, что один из ограбленных книжников якобы видел на месте происшествия ребенка. Даже успел сделать слепок ауры – Темный коллекционер оказался еще и опытным, расторопным магом. Только это ничего не дало. Аура была «чистой», без явного цветового оттенка, то есть ребенок не был инициирован. Обвинить в этом Светлых не вышло, следов не нашли, доказательства того, что неинициированный юный Иной вообще замешан в краже, отсутствовали. Всех выявленных в городе несовершеннолетних Иных потом еще пару лет безрезультатно проверяли. Слепок повесили на артефакт, пришили к делу и спустили на тормозах. Похищенную книгу, разумеется, тоже не нашли.

Но Стригаль на этом не остановился. Он проделал кропотливую работу и отыскал один малоприметный факт.

Еще в докомпьютерную эпоху предпринимались усилия составить библиографический свод всех колдовских книг, созданных хотя бы в Европе. Больше всех в этом преуспел Инквизитор и охотник на ведьм Бальтазар Шиллер. Собственно, именно непростое ремесло подвигло Шиллера на его труд, ядром которого послужили ведьминские травники и сборники заклинаний. В конце концов рьяный Шиллер, такой же сторонник «бури и натиска» в своем деле, как его великий однофамилец – в литературе, обрел своеобразное бессмертие. Он стал одним из трех Инквизиторов за всю историю, применивших Саркофаг Времен. Шиллер ушел в вечность с особо злобной ведьмой – ну, не в вечность, конечно, а всего лишь на срок до тепловой смерти Вселенной. А его книжный труд не пропал даром, многажды дополнялся и переиздавался как наиболее авторитетный «Справочник Шиллера». Этот справочник имелся в библиотеке каждого Дозора и у многих частных коллекционеров. Инквизиция не препятствовала, а напротив, способствовала распространению, заодно напоминая о служебном подвиге автора. Но истинные коллекционеры охотились за ограниченным изданием «Справочника», на который было наложено заклятие, изобретенное самим Шиллером. В конце фолианта были оставлены чистые страницы. Вписанные в один сведения о новых книгах должны были одновременно появиться во всех остальных экземплярах. Именно с такого, эталонного образца печатались новые «массовые» издания.

Разумеется, свой экземпляр хранился и в библиотеке Яноша Чапека. В потайном отделе, вместе с другими «настоящими» магическими книгами. Стригаль затребовал его себе, изучил под микроскопом, а также сквозь Сумрак и с помощью оракула. А заодно выяснил, что во всех пострадавших библиотеках экземпляры из ограниченного тиража «Справочника» тоже имелись. Эти книги были доставлены в Прагу, тщательно осмотрены, а данные сличены.

«Справочники» видали виды и несли на страницах многочисленные следы времени и неосторожного обращения. И все же от бдительного ока Стригаля не укрылся малоприметный символ – нацарапанный от руки на полях, на разных страницах, но в каждой книге. Этот символ не значился ни в одном алфавите, ни в одном магическом каталоге. Его значение было неизвестно. Эксперты по иероглифике из Азиатского Бюро также развели руками.

Стригаль понял, что отыскал нечто. А затем вдруг увидел совсем уже очевидное: символ всегда оказывался на полях где-то поблизости от наименования книги, которая скоро исчезала из библиотеки.

На экземпляре пана Яноша этот символ был нанесен рядом с заголовком его же собственной брошюры «Зеркала Яноша Чапека…». Но вот незадача: за пару недель до вторжения в библиотеку автор отнес личный экземпляр в главный офис Бюро. Инквизиция в очередной раз проводила ревизию, и на книге надлежало обновить магическую печать. Сам Чапек таким искусством не владел, да его уровень и не позволил бы наложить столь изощренное заклятие, поэтому заслуженный пенсионер дисциплинированно сдавал то одну, то другую стопку томов для колдовской обработки, а затем терпеливо дожидался возврата. Скорее всего, решил Стригаль, злоумышленники проникли в хранилище, не нашли искомое, от злости прихватили другое и были таковы.

Стригаль бросился в инквизиторский спецхран, нашел там все служебные экземпляры «Справочника Шиллера» и проверил их на таинственный знак.

Этого знака там не было. Даже просвечивание рентгеном и Сумеречным Фонарем ничего не показало. Неизвестные злоумышленники не смогли бы проникнуть в хранилище.

Тогда у Стригаля родился план.

* * *

– …Да, писателем стать мне еще не предлагали, – сказал Дмитрий, когда выслушал этот гениальный план в стригалевском кабинете.

– Вам не нужно быть писателем. Вам нужно быть фиктивным писателем.

– То есть обычным? Современным? Как большинство? Подавляющее…

– Можно и так…

Дмитрий не был уверен, что Стригаль читает книги. Кроме тех, которые нужны по службе, разумеется.

– Это даже не книга. Брошюра. Вы опишете свой опыт применения «зеркал Чапека».

– Я уже даже название придумал: «Как я провел эти лета в Инквизиции».

– Скорее уж «Как я провел Инквизицию, и мне почти ничего за это не было…».

Словесник даже поперхнулся кофе, любезно поданным секретаршей (не длинноногой и даже не стройной, вопреки стереотипу). Он не предполагал, что Стригаль умеет так иронизировать.

– Вы же понимаете, – продолжал надавливать хозяин кабинета, – мы не можем рисковать оригиналом. Все сохранившиеся экземпляры, их и было-то несколько штук, теперь надежно спрятаны. Нам нужна фальшивка… но не совсем фальшивка.

– Пожалуй, сочту за комплимент. – Дмитрий все больше чувствовал себя не «на ковре», а в гостях у Стригаля, чем дальше, тем лучше осознавая, что терять ему в общем-то нечего.

– Как преподаватель русского вы прекрасно знаете, какое слово главное во фразе «не совсем фальшивка», – немедленно отреагировал Стригаль.

– Всегда приятно иметь дело с носителем родного языка в старушке Европе, – парировал Дмитрий.

– Ладно, – Инквизитор откинулся назад, – ближе делу…

Он изложил еще раз. Дреер пишет свою брошюру «О применении метода «зеркал Чапека». В самой брошюре он развлекается, как хочет – критикует Инквизицию, Свет, Тьму, Сумрак, – главное, не раскрывает никаких секретов. В том числе как на самом деле работают «зеркала». Принцип действия должен остаться только в книге-оригинале. Брошюру Дреера издают стандартным тиражом в тринадцать экземпляров по технике «печать по требованию». Накладывают положенные служебные знаки. А затем вписывают выходные данные в «Справочник Шиллера». Между строк, рядом с брошюрой самого Чапека… Пенсионера в это дело, понятно, впутывать тоже не стоит хотя бы из уважения к его заслугам и сединам.

После этого брошюру помещают в закрытое отделение инквизиторской библиотеки рядом с помеченным загадочной меткой «Справочником». И ждут, когда мышь полезет за сыром в мышеловку. Берут похитителя и через него выходят на заказчиков.

– Если они есть… – протянул Дмитрий.

– Вы узко мыслите, наставник Дреер, – вздохнул Стригаль. – Понимаю, вам мерещится, как в старые времена, одаренный ребенок, который сам научился входить в Сумрак да еще изобрел мощнейшее заклинание. Увы! Это иллюзия. Все магические экземпляры «Справочника Шиллера» наперечет. Какая-то их часть затерялась во времени, но ни один не пропадал за последние тридцать лет. Да и не стал бы ребенок разбираться в магических книгах. Этому учат только в школах, когда стереть Тьму или Свет из ауры давно уже невозможно. Так что бросьте. Здесь ведутся взрослые игры, а детьми только пользуются.

– Насколько я понимаю, – ушел в сторону Дмитрий, – с моим непосредственным руководителем все уже согласовано?

– Не задавайте глупых вопросов. Это Инквизиция, а не фирма «Рога и копыта». – Стригаль сделал паузу, довольно наблюдая, как Дмитрий снова поперхнулся. Книги он явно когда-то читал. – Я знаю, что у вас на уме. Вы уже думаете, как бы обойти приказ. Как сделать по-своему, то есть как обычно. Не советую. Я не собираюсь угрожать, это было бы смешно.

– Да уж, – согласился Дреер. – На самом дне я уже был. Ничего там хорошего нет, но и особо страшного тоже.

– Зато скоро повторное слушание по делу ваших бывших учеников. – Стригаль демонстративно изменил позу в начальственном кресле. – Как они себя называли, «мертвые поэты»?

– Не хотят они повторного слушания, – ответил Дмитрий.

– Я читал отчет Христофора. – Стригаль небрежно махнул рукой в сторону папки-скоросшивателя на углу стола. – Мне известна эта история. Там ничего не сказано про реакцию девочки… которая была у них главной.

– Главным был Комаров, – сухо уточнил Дреер.

– Не так уж важно. Эта девочка… вернее, уже молодая женщина, наверняка примет иное решение.

Стригаль нажал на «иное». А Дмитрий, к счастью, уже выпил весь кофе, иначе поперхнулся бы в третий раз. При нем еще никто не называл Аню «молодой женщиной». Он сам про нее в таких выражениях не думал.

А хозяин кабинета продолжил:

– Учитывая то, что она натворила десять лет назад, Трибунал вряд ли изменит назначенную ей меру наказания. Но может учесть и вклад наставника…

Дреер и сам уже давно понял, к чему ведет Стригаль.

– Константин Сергеевич, – Дмитрий впервые за весь этот визит, впервые за десять лет, обратился к Стригалю по имени, – мы же оба понимаем, что нельзя заранее предсказать исход Трибунала.

Вместо ответа Стригаль потянулся к телефону. Аппарат у него тоже был самый обыкновенный, черный, без кнопок и диска – соединяла секретарша. Сейчас ладонь Инквизитора простерлась над трубкой, как корабли инопланетян в фильмах зависают над американскими городами.

Телефон зазвонил. Рука опустилась, сняла трубку.

– Уже у меня, – спокойно ответил Стригаль на вопрос с другого конца. Никакого приветствия, по традиции конторы, не предусматривалось.

Потом Инквизитор протянул трубку Дмитрию:

– Вас, – и добавил, отвечая на немой вопрос: – Кармадон.

Глава 4

Быть писателем Дрееру понравилось.

Сваять брошюру оказалось не труднее, чем написать отчет – делать он этого никогда не любил, но тут главным было войти в ритм. И Дмитрий вошел.

Он все-таки побывал на устроенном в его честь семейном ужине у Майлгуна с супругой. У рыжего, кстати, это был не первый брак, но тот не особенно любил распространяться о своей доинквизиторской жизни. Что любопытно, Дреер не почувствовал ничего сколько-нибудь неприятственного от встречи с Ивой. Это удивило самого Дмитрия, пока тот не сообразил: он давно уже перестал быть участником ее жизни (да и Майлгуна тоже) и стал простым зрителем. А зритель, даже самый чувствительный, вполне может выбирать, как относиться к тому, что он видит и о чем точно знает, – это все происходит не с ним.

Он поведал друзьям о своем Великом Замысле. Тем более они все трое были участниками той истории, причем вклад Дмитрия, пожалуй, был меньше остальных. Ничего запретного в рассказе не содержалось: напротив, Стригаль велел делиться творческими планами с каждым встречным и поперечным.

Писалась брошюра на вдохновении. Дмитрий позволял себе предаваться лирическим воспоминаниям и заодно, не стесняясь, рассказывать о поведении Стригаля на посту главы Школьного Надзора и мстительно припоминать колкие реплики на инквизиторских курсах. Он лишний раз убедился в правоте древней мудрости, что написать одну книгу о себе может каждый, а писать больше одной все равно не собирался.

Тем не менее работа заняла почти неделю.

Стригаль в это время тоже не сидел сложа руки. Дмитрия официально перевели из России в Прагу, оформив как сотрудника библиотечного архива. Когда Дреер поинтересовался, зачем это, Стригаль объяснил: не исключено, что в Инквизиции действует некий сообщник похитителей. Возможно, наводчик. Все должно выглядеть правдоподобно.

– Неужели все настолько прогнило в нашем королевстве? – не выдержал словесник. – Кто же будет подкупать Инквизитора, да и чем?

Стригалю хватило всего одного выразительного взгляда, чтобы новый подчиненный замолк. Тот помнил сразу двух Инквизиторов, которые изменили интересам конторы. Одного из них звали Эдгар, второго – Дмитрий Дреер. Оба в конечном итоге поплатились жизнью, но, даже зная о такой перспективе, и не подумали колебаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Сумрак» (арм.).

2

Подробнее об этом можно прочитать в романе Сергея Лукьяненко «Ночной Дозор», история вторая «Свой среди своих».

Купить: https://tellnovel.com/arkadiy-shushpanov/knizhnyy-dozor-kupit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити